

ЕГЕРЬ. СИСТЕМНЫЙ ЗВЕРОЛОВ

НИКОЛАЙ СКИБА

Егерь. Системный Зверолов

Николай Скиба

**Егерь. Черная Луна.
Часть 2. Книга 9**

«Автор»

2026

Скиба Н.

Егерь. Черная Луна. Часть 2. Книга 9 / Н. Скиба — «Автор»,
2026 — (Егерь. Системный Зверолов)

Воздух пахнет хвоей, вокруг - июльская тайга. Я егерь, знающий её как свои пять пальцев, иду на кабана. А потом, бац выстрел и темнота. Очнулся, а мне семнадцать лет. И зовут теперь Максом. И вот я в слабом теле этого больного парнишки, которого местные сторонятся. На моих руках - красные татуировки зверолова. Мне нужно поймать своего первого питомца, выжить и помочь семье. Освоиться в этом сумасшедшем мире. В мире, где люди прячутся за шаткими стенами, борясь за выживание, а леса полны магических тварей. Я научусь быть Звероловом и использую все свои знания. С моим опытом и «Звериным Кодексом» это не составит труда. Потому что лес - он везде одинаковый, его просто нужно читать. А это я умею лучше всего.

© Скиба Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	55
Глава 8	62
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Чёрная кобра с тускло мерцающим капюшоном, окутанные тёмным пламенем гончие, волки с глазами цвета тлеющих углей, лисы с обугленной шерстью — все смотрели на меня с одинаковой потусторонней яростью. Жар их чёрного огня доносился даже сюда, заставляя воздух дрожать от противоестественной силы.

В ядре скулил мой Карц, сломленный видом бывшего хозяина. Через связь накатывали острые волны его болезненного смятения. Старик, которого я держал в ядре, мгновенно взял на себя охрану лиса.

Радонеж начал формировать ураган, раскинув руки в стороны. Тёмный ветер взвыл над крышей, поднимая обломки черепицы и закручивая их в нарастающий смерч.

Плащ друида бился за спиной, словно крылья огромной хищной птицы, а из его глотки вырывался хриплый булькающий смех.

Призрачный друид Карц вскинул руку.

— KAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAPЦ!

Двадцать пастей одновременно распахнулись.

Двадцать глоток одновременно выдохнули тёмное пламя.

Чёрный огонь хлынул со всех сторон, сливаясь в единую стену смерти. Потоки пламени переплетались с ураганным ветром Радонежа, создавая спираль разрушения — настоящий ад из тьмы и огня, несущийся прямо на нас.

Свист разорвал воздух.

Он пришёл раньше огня и жара.

Невозможный звук, летящий быстрее себя самого, разрывающий барабанные перепонки.

Между мной и врагами врезалась размытая фигура.

БАБАААААХ!!!

Ударная волна жახнула по крыше с такой силой, что черепица под ногами содрогнулась.

Стена тёмного пламени разлетелась в клочья, словно её рассекли гигантским лезвием. Ураган Радонежа схлопнулся и развеялся, будто его никогда не существовало.

Теневых зверей раскидало по крыше. Кобра отлетела к дымоходу, врезалась в кирпичную кладку. Гончих и волков смело к краю — некоторые не удержались и полетели вниз, кувыркаясь в воздухе, где их уже встречал Стёпка. Лисы покатались по черепице, скуля от боли. Даже Морана отшвырнуло на несколько шагов, и он едва устоял на ногах.

Пыль медленно оседала.

Передо мной стоял мужчина с седыми волосами. Он не выглядел стариком — от него исходило ощущение древней первобытной мощи, от которой хотелось отступить. Тёмный дорожный плащ облегал широкие плечи, в опущенной руке он сжимал прямой меч.

Но его тело не было человеческим.

Не полностью человеческим...

Какого?... он будто только что изменился.

Мышцы под плащом вздулись буграми, похожими на узловатые корни старого дуба. Плечи раздались вширь, кисти рук стали крупнее, из-под кожи проступали тёмные вены. Глаза горели жёлтым светом хищника, который охотился на этой земле столетиями.

Частичная трансформация оборотня.

Его меч не был похож ни на что виденное мной раньше. Узкое прямое лезвие длиной в руку, без единого украшения. Металл отливал тусклым серебром с тёмными прожилками, похожими на застывшие вены живого существа.

Тело Радонежа позади оборотня начало медленно заваливаться набок.

Друид Ветра, мгновение назад формировавший ураган, ещё стоял на ногах. Ещё улыбался. Но его голова уже не была на плечах — она медленно сползала вбок по идеальному срезу, не оставившему ни капли крови.

Глухой стук.

Голова упала на черепицу.

Тело рухнуло следом и начало рассыпаться в пепел.

Я смотрел на седовласого мужчину, который одним ударом обезглавил воскресшего друида. На древнюю мощь, сочившуюся из каждого его движения и жёлтые глаза хищника, пережившего века.

— Вальнор... — прошептал я. Лана одобрительно зарычала, завидев отца.

Моран воспользовался заминкой.

Теневой портал распахнулся прямо у ног Режиссёра. Друид вынырнул из темноты в считанных сантиметрах от моей рыси, и чёрный кинжал в его единственной руке взметнулся к Альфе Ветра.

В ЯДРО!

Ужас пробил меня насквозь. Ментальный вопль ушёл по связи быстрее мысли. Режиссёр растворился в воздухе за долю секунды до удара — кинжал рассёк пустоту там, где только что была его шея.

Моран оскалился от злости.

Вальнор не стал ждать.

Оборотень рванулся вперёд, его силуэт смазлся от скорости. Меч описал широкую дугу, врезаясь в первую волну теневых зверей. Окутанная чёрным пламенем гончая разлетелась на куски — её тело рассыпалось пеплом ещё в воздухе. Вторая попыталась вцепиться ему в бок, но когтистая лапа левой руки перехватила тварь за горло и швырнула в набегающих волков.

Лже-Карц повернулся ко мне.

Сфера тёмного пламени у его плеча вспыхнула ярче, разрастаясь до размеров человеческой головы. Мёртвые глаза друида нашли меня сквозь хаос боя, его губы растянулись в улыбке, от которой мышцы на спине непроизвольно напряглись.

— Ты. — Голос прозвучал как треск горящих костей. — Ты украл моего лиса.

Чёрное пламя сорвалось с его ладони.

АКТРИСА!

Невидимая платформа из уплотнённого воздуха возникла под ногами. Оттолкнувшись изо всех сил, я взмыл вверх и в сторону. Лёгкий шаг швырнул меня прочь от потока тёмного огня, который прошёл там, где я стоял мгновение назад и расплавил черепицу до жидкого месива.

Красавчик вцепился в куртку, его коготки пробили ткань до кожи. Маленькое тельце прижималось к груди, но горностаи не издал ни звука.

Я завис в воздухе на три метра выше крыши, балансируя в воздухе.

Внизу кипел хаос.

Афина сцепилась с двумя волками — её полосатое тело каталось по черепице в клубке когтей и клыков. Тигрица рычала, отбиваясь от тёмного пламени, которое лизало её шкуру. Один из волков взвыл, когда её клыки сомкнулись на горле.

Лана-пантера кружила вокруг чёрной кобры, уворачиваясь от ядовитых выпадов. Змея была снова и снова, но пантера была быстрее — чёрной тенью скользила по черепице, выжидая момент для атаки.

Актриса носилась между гончими, используя Лёгкий шаг. Серебристая рысь отталкивалась от воздуха, атаковала сверху, полосуюя врагов когтями и тут же уходя из-под ответных ударов.

Вальнор прорубался сквозь теневого зверей, оставляя за собой шлейф из пепла и распадающихся тел. Его меч мелькал так быстро, что я видел только серебристые росчерки. Трое, четверо, пятеро — твари падали одна за другой, но их было слишком много. Лже-Карц всё призывал и призывал тварей, словно они никогда не закончатся.

Моран стоял в стороне, его теновая пантера прикрывала хозяина. Друид что-то шептал, будто формируя очередной портал.

Собирался бежать.

Нет. Не в этот раз.

Лже-Карц снова вскинул руки. Сфера тёмного пламени разрослась ещё больше, пульсируя чёрным жаром.

— КАРЦ!

Новая платформа — рывок в сторону. Очередной поток огня прошёл мимо, жар опалил лицо даже на расстоянии. Тёмное пламя было горячее обычного, оно пожирало сам воздух вокруг себя.

Приземлившись на край крыши, я перекатился и вскочил на ноги.

Внизу, в тёмном переулке, стоял Стёпа.

Парень задрал голову, глядя прямо на меня. Рядом маячила фигура Барута. Свет факелов городской стражи приближался с соседней улицы, но Стёпа не обращал на это внимания.

В его руке была вторая керамическая граната.

Я оглядел крышу. Вальнор рубился в двадцати шагах справа, отгоняя стаю волков. Афина и Лана дрались ещё дальше, почти у противоположного края. Актриса кружила над схваткой.

Лже-Карц стоял в центре, окружённый зверями. Рядом — Моран и его пантера. За спиной друидов торчал массивный дымоход — идеальная мишень.

Мои были далеко от центра.

Враги — нет.

Нужна одна секунда замешательства.

КРАСАВЧИК! В ГЛАЗА!

Мысленный приказ хлестнул по связи. Горностай на плече пискнул.

В то же мгновение две его точные копии сорвались с места — белые молнии, метнувшись прямо в лица врагов. Одна целилась в Лже-Карца, вторая в ближайшего волка. Иллюзии не нанесут урона, но инстинкт не обманешь.

Волк клацнул челюстями, сбивая ритм. Лже-Карц рефлекторно отмахнулся от летящего в него белого комка, его концентрация дрогнула.

Этой секунды хватило.

— СТЁПКА, ДАВАЙ!

Керамическая сфера вылетела снизу. Копейщик не просто кинул её — он швырнул снаряд с силой пращника, почти по прямой, целясь в дымоход за спиной друидов.

— ВАЛЬНОР, ЛОЖИСЬ!

Древний оборотень не послушал — его силуэт смазался и пропал с крыши быстрее, чем я успел моргнуть. Краем глаза заметил, как когтистая лапа впиалась в кирпичную стену соседнего дома, как тёмная фигура обогнула угол по вертикальной поверхности.

Вальнор выпрыгнул с другой стороны, обрушиваясь на Морана сверху.

Друид едва успел нырнуть в портал пантеры. Меч рассёк воздух там, где мгновение назад была его голова. Моран вынырнул в трёх шагах левее, пошатнулся, его теновая пантера встала между ним и оборотнем, скаля клыки.

Граната ударилась о дымоход и отскочила прямо в гущу теневого зверей.

— Нет! — Лже-Карц вскинул руки, его звери бросились к нему со всех сторон. Волки, лисы, уцелевшие гончие — они сбились в кучу вокруг хозяина, закрывая его своими телами.

Живые щиты из тёмного пламени.

Керамическая сфера раскололась.

Раздался резкий, сухой хлопок, как удар грома в упор.

Вспышка ослепила на мгновение. Облако серого порохового дыма рвануло во все стороны, и сквозь него со свистом полетели осколки — острые черепки керамики и речная галька, разогнанные взрывом до скорости арбалетных болтов.

Там, где стоял Лже-Карц со свитой, клубился густой дым.

Куски теневых зверей разбросало по всей крыше.

Галька и керамические осколки превратили тварей в изрешечённое мясо. Волк, принявший взрыв на себя, лежал грудой окровавленных ошмётков — его бок был пробит в десятках мест, словно по нему выстрелили картечью в упор. Рядом скулила гончая с торчащим из глазницы черепком. Лиса ползла прочь, волоча перебитые задние лапы.

Кобра валялась в трёх шагах — галька перебила ей хребет в двух местах. Капюшон судорожно раздувался и опадал. Две гончие лежали неподвижно, их тела утыканы осколками, как подушки для иголок. От волков, стоявших ближе всех, остались только тёмные пятна и клочья шерсти.

Минимум десять мёртвых тварей. Может, больше. Но это не звери, это какая-то извращённая магия тени.

Они уже давно мертвы.

Морана отшвырнуло к дальнему краю крыши. Друид лежал на спине, из рассечённого лба текла кровь — керамический осколок чиркнул по виску. Его пантера скулила рядом, прижимая к телу переднюю лапу — галька пробила её насквозь, застряв в мышце.

Но они были живы.

Лже-Карц стоял на коленях посреди побоища.

Его мантия превратилась в изодранные лохмотья, бледная кожа была испещрена порезами от керамических осколков. Из левого плеча торчал острый черепок — вокруг раны вместо крови пузырилась тёмная жижа.

Сфера тёмного пламени погасла, рассыпавшись искрами. Призрачный друид медленно поднял голову. Его мёртвые глаза нашли меня сквозь остатки дыма.

— Ты... — прохрипел он. — Что за зверь сделал это?

Внизу вопили люди. Городская стража уже не шла — бежала. Факелы металась между домами, голоса созывали подкрепление. Где-то звенел набатный колокол.

Из соседних домов вываливались полуодетые жители, тыча пальцами в небо, где над крышей поднимался столб порохового дыма. Дети плакали, женщины кричали, мужчины хватались за топоры и вилы, не понимая, от кого защищаться.

Мы устроили ад посреди города.

Красавчик осторожно высунул мордочку из-под моей руки. Его чёрные глазки-бусинки обежали крышу, и он тихо фыркнул.

Вальнор уже стоял на дальнем краю крыши, стряхивая с плаща пороховую гарь. Его жёлтые глаза горели в полумраке, меч по-прежнему обнажён — древний оборотень успел уйти от взрыва задолго до того, как галька разлетелась по крыше.

Афина поднялась на лапы, встряхнулась и зарычала — злая, но живая. Несколько мелких порезов на морде от случайных осколков, на боку темнело пятно запёкшейся крови от схватки с волками.

Лана-пантера бесшумно скользнула ко мне из тени — она залегла за дымоходом в дальней части крыши, и взрыв её не задел.

Актриса приземлилась рядом, серебристая шкура покрыта пороховой пылью — рысь кружила в воздухе над схваткой и тоже осталась невредима.

Всё получилось.

Лже-Карц поднялся на ноги.

Тёмная жижа всё сочилась из раны, но призрачный друид, казалось, не замечал боли. Его мёртвые глаза медленно обвели разрушенную крышу и трупы зверей.

Тихий сухой смех вырвался из глотки. Нарастая, он превратился в безумный хохот, от которого волосы встали дыбом.

— Думаете, это что-то изменило? — Лже-Карц раскинул руки, остатки тёмного пламени вспыхнули вокруг него слабым ореолом. — Смерть — просто дверь. Отдай мне моего лиса!

Опираясь на раненую пантеру, Моран с трудом поднялся. Кровь заливала лицо, плащ тлел, но в глазах под капюшоном плескалось удовлетворение.

Из глубины ядра пришёл импульс.

Чистая концентрированная ярость моего двуххвостого лиса ударила по нитям связи раскалённой волной. Карц больше не плакал по бывшему хозяину.

Он рычал!

ВЫПУСТИ МЕНЯ.

Мыслеобраз пришёл вместе с жаром — словно кто-то распахнул дверцу печи прямо в голове. Лис требовал. Его разум больше не метался между прошлым и настоящим.

Он сделал выбор.

Я УБЬЮ ЕГО САМ.

Чистое безумие. Выпустить его против бывшего хозяина — рисковать потерять лиса навсегда.

Но если я не доверяю своей стае — я не вожак. Тогда сделай это, мой друг.

ВЫХОДИ!

Огненный лис вырвался из ядра в столбе белого пламени. Приземлился на черепицу между мной и Лже-Карцем. Его сдвоенный хвост бился из стороны в сторону, разбрасывая искры.

— Ты мой... — Голос Лже-Карца скрежетнул, как камень о камень. Никакого уважения. Только холодное право собственности. — К ноге!

Призрачный друид вскинул руку. Тёмное пламя сгустилось в подобие ошейника и хлестнуло вперёд, пытаясь перехватить шею лиса.

Я НЕ ТВОЙ!

Карц не колебался и прыгнул.

Тело лиса вытянулось в полёте, превращаясь в живой снаряд из концентрированного пламени.

Невиданный ранее голубой огонь охватил его целиком. Он даже не пытался уклониться от призрачного ошейника — прошёл сквозь него. Голубое пламя против чёрной магии.

Тёмный ошейник рассыпался искрами.

Истинная сила доверия.

Лже-Карц выставил перед собой стену тёмного огня...

... и чёрное пламя встретило голубое. Искры брызнули во все стороны, черепица оплавилась и потекла. На мгновение показалось, что Карц не пробьётся — тёмный огонь был слишком плотным.

Но он всё же прошёл.

Голубой огонь пожирал тьму, выжигал изнутри, превращал в пепел. Карц вырвался с другой стороны — шерсть дымилась, на боку темнел глубокий ожог, кожа обуглилась до мяса.

Но он достиг цели.

Лис врезался в грудь Лже-Карца.

Призрачный друид отлетел назад, ноги оторвались от крыши. Голубое пламя целиком охватило его, пожирая мантию, кожу и плоть. Лже-Карц горел, умирал и... Ошарашенно смотрел только на лиса, вцепившегося в грудь, и в мёртвых глазах мелькнуло удивление.

— Ты... выбрал... его?

Карц зарычал и вцепился клыками в горло бывшего хозяина.

Голубой огонь вспыхнул ярче.

Лже-Карц начал распадаться. Тело рассыпалось пеплом, который тут же сгорал в пламени. Руки, ноги, туловище — через несколько секунд от призрачного друида осталось лишь тёмное пятно на оплавленной черепице.

Карц приземлился на все четыре лапы и пошатнулся.

Получено опыта: 120000

Уровень питомца повышен (35)

Ожог на боку выглядел скверно — тёмное пламя выжгло шерсть и кожу до кости. Лис тяжело дышал, язык свисал из пасти, но в глазах горел триумф.

Готово.

Мыслеобраз был слабым, усталым, но твёрдым.

Он больше не вернётся. Больше... Больше меня ничего не гложет, вожак. Теперь я твой. До конца.

Пока Карц добивал призрака, я не стоял без дела.

АКТРИСА! К КРАЮ КРЫШИ! ОТРЕЗАЙ ОТХОД!

Серебристая рысь метнулась к дальнему краю, занимая позицию. Единственный путь для отступления Морана — портал. Но для портала нужна концентрация.

Друид Тени молча смотрел на гибель Лже-Карца.

Только холодный расчёт в глазах под капюшоном.

— Впечатляюще. — Ровный голос. — Но недостаточно.

Его тeneвая пантера бросилась на лиса.

Раненая тварь двигалась медленнее обычного, но мой лис был ещё слабее. Чёрные когти полоснули по спине, вырвав клочок горячей шерсти. Карц взвыл, откатился, едва увернувшись от второго удара.

Моран шагнул к краю крыши, начиная формировать портал. На этот раз без жертвоприношений.

Нет!

Я взмыл вверх и приземлился между Мораном и краем крыши. Нож вспыхнул огнём Карца.

Моран остановился. Его глаза под капюшоном оценивающе скользнули по мне и Актрисе за спиной.

— Ты отрезаешь мне путь? — В голосе прозвучало что-то похожее на уважение. — Ты забыл одну вещь.

Из его ладони вырвался поток чернильной тьмы.

Я метнулся в сторону, но недостаточно быстро. Тьма зацепила плечо — обжигающий холод пронзил до кости. Нога подвернулась, я рухнул на черепицу, едва удержав нож.

Моран шагнул мимо меня.

— Я всегда готовлю запасной выход.

Афина зарычала и бросилась к тeneвой пантере.

Полосатое тело вспыхнуло оранжевым — Доспех Пламени окутал тигрицу огненной броней. Жар был таким, что черепица под лапами задымилась.

Пантера развернулась навстречу.

Слишком поздно.

Лана ударила сбоку.

Чёрная пантера против чёрной тени — две хищницы сцепились в клубке когтей и клыков. Лана была меньше, но быстрее. Её клыки впились в горло, когти раздирали бок.

Теневая пантера взвыла, попыталась вырваться, окутываясь тьмой. Чернильный дым за клубился вокруг.

Афина не дала ей уйти.

Тигрица обрушилась на клубящуюся тьму всей массой. Доспех Пламени вспыхнул ослепительно-белым, выжигая тень изнутри. Огонь разгорался ярче, жарче — пока не стал таким, что даже я отступил, закрывая лицо рукой.

— РАААААААААААААААААААААААААУ, — теневая пантера закричала.

Настоящий, почти человеческий, крик боли. Тьма рассеивалась, сгорая в огне Афины, и обнажала изуродованное тело. Лана не отпускала горло, Афина давила сверху.

Моран дёрнулся.

Боль разрывающейся связи — я знал это чувство. Друид схватился за грудь, его лицо на мгновение исказилось.

Теневая пантера затихла.

Афина отступила. Пламенный доспех погас, обнажив опалённую шерсть и свежие раны. Лана отпустила горло мёртвой твари, облизывая окровавленную морду.

Получено опыта: 15000.

Уровень питомца повышен (32).

Моран остался один.

Вальнор шагнул к нему.

— Сдавайся. Некуда бежать.

Моран улыбнулся.

— Всегда есть куда.

Вальнор атаковал. Силуэт смазался от скорости, меч нацелился в сердце.

Моран улыбнулся.

Нет, что-то не так!

- ВАЛЬНОР, СТОЙ! - заорал я, но поздно.

И друид подставил под удар искалеченную руку.

Ту самую, которую разорвал Григор. Лишь сейчас я осознал, что Моран не только выглядит по-другому, но и отрастил конечность.

КАК?! Это невозможно!

Лезвие меча Вальнора прошло сквозь плоть и кость. Рука отделилась, упала на черепицу и рассыпалась чёрным пеплом ещё в воздухе.

Моран даже не вздрогнул.

— Я уже терял её однажды. Терять во второй раз легче.

Его тело начало распадаться.

Он просто рассыпался на тысячи крошечных теней, которые брызнули во все стороны, как рой чёрных мотыльков! Каждая уносила частичку его сущности, разлетаясь над крышами в разных направлениях.

Он жертвовал самой плотью ради побега. И Вальнор помог ему сбежать, сам того не ведая!

КАРЦ! ОГОНЬ!

Мой лис, едва держащийся на лапах, из последних сил выдохнул струю голубого пламени. Огонь охватил десятки теней, превращая их в пепел. Но их были сотни.

ВСЕ!

Тигрица снова активировала Доспех — слабее, чем раньше, почти угасающий — и бросилась в гущу теней. Лана метнулась следом, когтями раздирая чёрных мотыльков. Режиссёр и Старик вырвались из ядра - порыв ветра сбил десятки теней в кучу, а гравитация раздавила их.

Вальнор рубил мечом воздух, уничтожая тени целыми роями.

Я взмахнул клинком и выпустил в воздух огненный смерч.

Мы уничтожили сотни. Может, тысячу.

Но их было слишком много.

Тени просачивались сквозь огонь и ветер, даже сквозь когти! Выползали из-под ударов Старика и утекали в щели между черепицами и ночное небо.

Бессильная ярость сжала горло. Профессионал во мне понимал — магию руками не поймашь. Мы сделали всё, что могли. Уничтожили большую часть его сущности.

Но он всё равно уходил.

Тихий рассыпающийся смех разнёсся над крышами — словно доносящийся сразу отовсюду.

Мы увидели всё, что хотели...

Последние тени растворились в ночи.

Моран исчез.

Я стоял посреди разрушенной крыши, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Мы сожгли половину его сущности.

И всё равно он ушёл! АААААААААААААААААААААА!

НУ ТВОЮ-ТО МАТЬ!

— Что у вас там?! — заорал Барут снизу. — Стража идёт!

Карц заскулил рядом. Ожог на боку выглядел ещё хуже вблизи — тёмное пламя выжгло плоть до кости. Лис едва держался на лапах, но упрямо отказывался возвращаться в ядро.

Опустившись на колени, я осторожно погладил его по голове.

— Ты молодец. Ты справился. Хватит, дружище. Возвращайся! Я бесконечно ценю то, что ты сделал, Карц.

Он больше не вернётся. Теперь я свободен.

На этот раз лис не сопротивлялся — сделал что-то кардинально новое. Он благодарно лизнул мою руку, прежде чем раствориться в воздухе.

Афина подошла и ткнула мордой в плечо. Шерсть воняла палёным, на боках темнели ожоги и порезы. Лана не вернулась в человеческую форму — рыкнула и подошла к отцу. Актриса приземлилась рядом.

Вальнор медленно вложил меч в ножны.

Древний оборотень смотрел туда, где растворились последние тени Морана. Жёлтый свет в глазах постепенно угасал, возвращаясь к человеческому цвету. Мышцы опадали, когти втягивались.

— Я просчитался. — Голос звучал ровно и спокойно.

— Это уж точно, учитывая, что мы хотели захватить Морана. — Я скрипнул зубами.

Вальнор посмотрел на разрушенные крыши и мечущуюся внизу стражу. На столбы дыма, поднимающиеся к ночному небу.

— Роман не зря отправил меня к вам. Иначе вы бы подошли. А теперь нам пора уходить.

Глава 2

Портал выплюнул Морана, как рвотный рефлекс выбрасывает отраву.

Друид Тени вывалился из чернильной прорехи в воздухе и рухнул на каменный пол, ударившись плечом о край скамьи. Теневая прореха схлопнулась за ним с влажным чавканьем — и по подвалу прокатилась волна запаха. Горелая плоть и пороховая гарь, от чего желудок инстинктивно сжался.

Мирана физически почувствовала, как этот запах забрался ей в ноздри. Она инстинктивно отступила на шаг, зажав нос ладонью.

Моран лежал на полу и хрипел, как раненое животное.

Каждый вдох давался ему с усилием — грудная клетка вздымалась неравномерно, будто рёбра сломались и кололи лёгкие изнутри. Из горла вырывались влажные, булькающие звуки, словно он захлёбывался собственной кровью.

Друид Земли смотрела на него сверху вниз, скрестив руки на груди, и думала о том, что в последний раз видела этого человека совсем недавно. Уверенного в себе, с кривой ухмылкой на лице, когда он говорил Тадиусу: «Не беспокойся. Мальчишка не справится с тем, что его ждёт».

Морана всегда окружала аура нагловатого превосходства.

Сейчас эта аура сдохла.

То, что лежало на каменных плитах, больше напоминало мешок с переломанными костями, чем грозного друида из Семёрки. Лицо залито кровью из рассечённого виска. Алая жидкость медленно стекала по щеке, собиралась в уголке рта, капала на пол. Левый глаз заплыл бурым отёком, кожа вокруг него приобрела нездоровый фиолетовый оттенок.

А одной руки и вовсе не было.

Снова.

Культия заканчивалась ниже локтя рваным обрубком.

Мирана видела, как Тадиус восстановил Морану руку в прошлый раз — тёмная плоть выросла за секунды, пальцы сформировались из ничего, сначала кости, потом мышцы, сухожилия, кожа. Моран сжал кулак, проверяя новую конечность, и на лице промелькнуло выражение отвращения к самому себе.

Но та рука была неправильной. Она выглядела как настоящая, двигалась как настоящая, но, когда Моран касался ею предметов, Мирана слышала едва различимый шорох. Мирана чувствовала в ней отголосок чего-то мёртвого, как чувствуют холод, исходящий от могильной плиты.

Тадиус наделил Друида Тьмы иной, неправильной силой. И это настораживало, потому что Друид Крови никогда не рассказывал, где получил её. В расколе, да... На всё всегда был именно такой короткий и сухой ответ.

Эрика стояла в дальнем углу подвала, прислонившись спиной к каменной стене. Тусклый свет ламп, подвешенных на ржавых цепях, бросал на её лицо рваные тени, превращая привычные черты в причудливую маску.

Когда Моран рухнул на пол с мокрым шлепком, она даже не шевельнулась. Только чуть наклонила голову набок, рассматривая его с тем самым выражением экспериментатора.

Крагнор сидел на перевёрнутой бочке в углу, широко расставив массивные ноги в кожаных штанах. Он не смотрел на Морана — его взгляд метался между Тадиусом и единственным входом в подвал. И в этом метании Мирана читала привычный расчёт: если что-то пойдёт не так, где ближайший выход, сколько шагов до двери, есть ли другие пути отступления. Крагнор всегда так делал. Перестраховщик до мозга костей. Именно так он и выжил, когда бился со Зверомором.

Тадиус стоял посреди подвала и смотрел на Морана.
Молча.

Тишина длилась три удара сердца.

Где-то далеко наверху скрипнула половица — кто-то прошёл по дому над подвалом. Моран попытался подняться на одну руку, локоть скользил по кровавому полу, пальцы царапали камень. Никто не двигался и не помогал.

Мирана знала Тадиуса — того, настоящего — уже много-много лет. Она помнила, как он опустился на одно колено, чтобы говорить с ней на равных. Как его глаза — тогда просто карие, без нынешнего странного блеска — смотрели прямо и честно. «Ты заслуживаешь большего, чем жизнь в тени слабого отца», — сказал он, и в этих словах не было лжи. Только печаль о потерянных возможностях.

Да, он выкрал её и не оставил выбора. Мирана уже и не помнила, что конкретно случилось.

Почему я не помню всего?

Она помнила, как он учил её чувствовать землю, как объяснял, что сила — это не жестокость, а готовность взять то, что принадлежит тебе по праву.

Как терпеливо исправлял её ошибки в управлении питомцами, никогда не повышая голос, но и не позволяя себе слабости.

Тот Тадиус был жёстким — да. Требовательным — да. Иногда беспощадным. Но в нём была логика, железная последовательность. Его гнев всегда имел причину и цель. Решения базировались на расчёте, а не на импульсе.

Этот Тадиус был другим.

Мирана не могла точно сказать, когда заметила перемену. Может, когда он вернулся из похода к Расколу и три дня не выходил из комнаты, а потом появился с новым взглядом? Может, раньше, когда она поймала его за разговором с пустотой — он стоял посреди комнаты и тихо, ласково говорил с кем-то невидимым, а когда Мирана спросила, с кем он беседует, не сразу сфокусировался на ней?

Изменения были тонкими. Он стал резче в движениях, нетерпеливее в разговоре. Его глаза теперь горели чем-то, что Мирана не могла назвать иначе как голод. Словно внутри Тадиуса поселилось нечто древнее и вечно голодное, что требовало, требовало, требовало — и он не мог, или не хотел, ему отказать.

И силы.

Эти проклятые новые силы.

Тадиус говорил, что Раскол дал ему новые способности. Что прикосновение к трещине в небесах изменило его, открыло каналы, которых раньше не существовало в природе. Звучало убедительно — Раскол менял всё, к чему прикасался, это знали все. Деревья рядом с ним росли неправильно, а звери менялись навсегда.

Но отец Мираны тоже касался Раскола. Первый Ходок Роман, человек, который подошёл к трещине ближе любого живого существа на этом континенте и вернулся цел. И он не получил ничего подобного.

А Тадиус мог теперь отращивать чужие конечности из тёмной материи, которая пахла могилой.

Тадиус мог создавать существ, которых не существовало в природе.

Тадиус мог делать вещи, от которых у Мираны шевелились волоски на затылке и сжимался желудок.

Что именно дал тебе Раскол, учитель? И что ты дал ему взамен?

Мирана отогнала мысль. Не время. Не сейчас.

Тадиус шагнул вперёд, и его тяжёлые сапоги гулко стукнули по камню.

Наклонился, схватил Морана за шиворот одной рукой и рывком поднял на ноги, будто тот весил не больше мешка с мукой. Мышцы на руке Тадиуса даже не напряглись — сила была не совсем человеческой.

Тело друида мотнулось, как тряпичная кукла, ноги подогнулись. Моран повис в его хватке, хрипя и беспомощно дёргаясь.

— Ну?

Одно тихое слово, почти шёпот. Но Мирана физически ощутила, как воздух в подвале стал тяжелее, словно атмосферное давление резко подскочило. В ушах заложило.

Моран облизнул разбитые губы языком. Глаз под отёком не открывался, второй смотрел на Тадиуса мутно и обречённо.

— Я был... — хрип, будто воздух проходил через разбитое стекло. Кашель, от которого всё тело содрогнулось. — Я был очень близко.

— Близко?

— Заставил его вызвать рысь. Вывел из равновесия. Я почти... — Ещё один приступ кашля. Моран сплюнул кровь на пол, и капли разбрызгались веером. — Почти достал. Ещё чуть-чуть бы...

— Почти, — повторил Тадиус.

— Всё вышло из-под контроля. — Моран выплюнул новую порцию крови. — Пришёл древний оборотень, Тадиус, из Жнецов. Невероятная скорость. Я не рассчитывал на вмешательство...

Удар.

Тадиус ударил Морана кулаком в лицо. Звук получился мокрый и хрустящий одновременно. Голова друида дёрнулась назад, из носа густой струёй хлынула кровь. Тадиус не отпустил — держал на весу, позволяя крови стекать на каменный пол и собираться лужицами.

— ОПЯТЬ НЕ ВЫШЛО!

Из горла вырвалось звериное рычание, от которого что-то первобытное и испуганное проскользнуло по позвоночнику Мираны.

Она видела, как его глаза на мгновение стали *глубже*, словно за зрачками открылся колодец, ведущий в места, где не должно быть света.

— ЭТОТ ПАРЕНЬ ЧТО, ЗАГОВОРЁННЫЙ?! СКОЛЬКО РАЗ МОЖНО ОБЛАЖАТЬСЯ С ОДНИМ МАЛЬЧИШКОЙ?!

Голос эхом прокатился по подвалу, пока не превратился в какофонию ярости.

— ЗАЧЕМ Я ДАЛ ТЕБЕ ЭТИ СИЛЫ, ЕСЛИ ТЫ НЕ МОЖЕШЬ СПРАВИТЬСЯ С ОДНИМ ЩЕНКОМ?! ЕГО ЖЕ ДАЖЕ УБИВАТЬ НЕ НУЖНО БЫЛО. ЗАДАЧА — ЛЕГЧЕ ЛЁГКОГО!

Моран молчал — он просто физически не мог говорить. Дыхание стало поверхностным, прерывистым.

Крагнор на своей бочке замер. Мирана заметила, как его пальцы побелели от напряжения.

Эрика не двинулась. Её глаза следили за сценой с тем же холодным интересом. На губах играла едва заметная улыбка.

Мирана стояла и... Думала.

Много лет назад ты забрал меня из дома. Ты сказал, что путь моего отца — слабость. Что не брать силу — значит быть рабом тех, кто её взял. Я поверила тебе. Я до сих пор верю в это. Сила — единственная валюта, которая не обесценивается. Единственная гарантия того, что с тобой будут считаться.

Но такую ли силу я хочу, учитель? Ту, что ты показываешь?

Всё ли ты мне говоришь? И всё ли ты помнишь о том, кем был раньше?

Тадиус выдохнул. Хватка на шивороте Морана ослабла настолько, что друид смог коснуться ногами пола, хотя по-прежнему висел в руке учителя.

— Ладно. — Голос стал ровным, почти спокойным. Переключатель щёлкнул где-то в голове — и вместо бешеного зверя снова появился лидер, принимающий решения. — Ладно. Значит, Вальнор. Я должен был учесть этого ублюдка.

Он отпустил Морана, и друид рухнул на колени.

Тадиус протянул руку и положил ладонь на голову Морана.

Мирана видела это не впервые, но каждый раз зрелище вызывало одну и ту же реакцию — тошнотворный восторг, смесь восхищения и отвращения.

Ладонь Тадиуса потемнела, как будто тень из-под кожи выползла наружу и растеклась по пальцам. Тёмная субстанция потекла вниз по виску Морана, по шее, оставляя за собой ледяной след. Друид Тьмы вздрогнул всем телом.

Субстанция добралась до обрубка правой руки и там загустела, начала уплотняться. На глазах у Мираны из ничего стали формироваться кости — сначала белые прутики, тонкие как спички, потом они утолщались, обрастали хрящами. Суставы щёлкали, становясь на место. Мышцы облепляли каркас, сухожилия протянулись между костями серебристыми нитями. Кожа затянула всё сверху, и через двадцать секунд у Морана снова было две руки.

Но запах...

Мирана поморщилась.

Друид Тьмы поднял новую руку перед лицом и сжал пальцы в кулак — они двигались, но как-то слишком плавно. Разжал. Снова сжал, сильнее.

— Благодарю, — прохрипел он.

Тадиус не ответил. Уже отвернулся, стряхивая с ладони остатки тёмной субстанции. Они упали на пол и тут же растворились, будто их никогда не было.

Откуда? Откуда такие силы? Как Моран сумел призвать мертвых? Пусть в виде энергии, не самих друидов во плоти, но... Это точно дал Раскол?

Мирана скрестила руки на груди крепче, как будто пыталась удержать себя на месте и не дать мыслям разбежаться в панике.

Её питомцы чувствовали тревогу хозяйки через связь — Грань, каменная рысь, шевельнулась где-то в глубине потокового ядра.

Опасность? Защищать стаю?

Мирана мысленно погладила её по загривку, посылая успокоение.

Нет. Пока... нет.

В её ядре было шесть питомцев.

Грань — каменная рысь, была основой. Фундаментом её силы. Мирана была всадницей, благо Грань по размерам превосходила обычного тигра. Не у всех есть питомец пятой ступени.

Шесть стихийных зверей земли — её семья — единственная, которую она помнила по настоящему.

Потому что остальное...

Мирана нахмурилась, чувствуя знакомую пустоту в памяти.

Остальное было размытым, как отражение в мутной воде. Она помнила деревню — смутно, обрывками. Запах сосновой смолы и дыма от очага. Чьи-то большие, тёплые руки, поднимающие её к потолку. Отец? Должно быть. Первый Ходок Роман, лидер Жнецов Леса, человек, о котором слагали легенды по всему континенту.

Она знала о нём больше из чужих рассказов, чем из собственных воспоминаний. И это пугало её больше, чем любые тёмные силы Тадиуса.

Почему я не помню? Что стёрло из моей головы первые годы жизни, оставив только туман и обрывки?

Но времени думать об этом не было. В подвал входили псевдо-альфы крови.

Три волка. Нет — слово «волк» было для них оскорблением, как слово «лужа» для океана. Каждый из них был выше человеческого роста в холке — Мирана, при своём внушительном росте, едва доставала макушкой до их лопаток.

Лапы толщиной с человеческое бедро. Тёмно-багровая шерсть стояла дыбом на загривках.

Но главным была аура. Кровавая, тяжёлая, удушающая — она заполнила подвал.

Мирана почувствовала, как по коже побежали мурашки, как волосы на затылке встали дыбом.

В потоковом ядре Грань выпустила вдоль позвоночника каменные шипы.

Её звери боялись этих тварей.

Псевдо-альфы бесшумно прошли через подвал и легли у ног Тадиуса.

Друид Крови положил руку на голову ближайшего волка. Зверь прикрыл глаза с выражением довольной собаки, получившей ласку хозяина.

— Альфа Крови хорошо постарался, — сказал Тадиус тихо, с удовлетворением человека, получившего посылку, которую долго ждал.

Мирана сглотнула.

Псевдо-альфы. Существа, которых не должно быть в природе. Созданные из чего? Как?

Она знала зачем Тадиус создаёт их. Семь Альф — семь первозданных зверей, хранителей изначальных стихий.

Из каждого Альфы можно было вывести подобие — псевдо-альфу, тварь, несущую часть силы оригинала. Для этого нужна была кровь.

Тадиус объяснял расплывчато, и Мирана научилась замечать, когда он намеренно оставляет пробелы в объяснениях.

У них были псевдо-альфы крови — эти трое. Эрика, Крагнор и Тадиус смогли найти истинную Альфу крови в глубинах лесов. Кровавый ястреб — опасная тварь, которая теперь служила учителю.

Был и псевдо-альфа огня — Мирана видела его один раз, чудовищного пса с пастью, полной белого пламени.

Тадиус не говорил, где взял кровь тигра. И это тоже напрягало.

Земля — её они поймали очень давно, ещё до теневого волка. Первая Альфа — земляной орёл.

Тень — Карц, Эрика и Тадиус убили глубинного ходока, которому служила Альфа.

Вода — Мирана лично поймала ледяного оленя.

Тадиус держал их в своём потоковом ядре и никогда не выпускал наружу. Невероятная мощь, бесполезно спрятанная в клетке.

Не хватало ветра и жизни.

Тадиус выпрямился и обвёл подвал взглядом, задерживаясь на каждом лице. Когда его глаза встретились с глазами Мираны, она почувствовала ментальный холодок. Словно что-то чужое и голодное заглянуло ей в душу и оценило, подходит ли она для его планов.

— Подведём итоги, — сказал он.

Мирана не двинулась с места. Скрестила руки на груди крепче и ждала.

Расскажи нам, учитель. Расскажи то, что считаешь нужным рассказать. А я буду слушать то, что ты не скажешь. И делать выводы.

— Арена, — начал Тадиус, его голос стал деловым. — Количество зрителей и участников в этом году побьёт все рекорды. Короли вложились в организацию серьёзно.

Пауза. Друид Крови обвёл присутствующих взглядом — его губы растянулись в улыбке.

— На финале арена заполнится до предела... мы получим то, за чем пришли. Мы уже всё сделали для этого. Хоть где-то Крагнор оказался полезен.

— Повлиять на короля Золотого королевства было просто, — пожал плечами Друид Воды. — Его разум затуманен моим паразитом. А он повлиял на остальных. Аларих доставил проблем, но сдался, когда надавили остальные короли.

— Бой троих звероловов и их питомцев насмерть, — хлопнул в ладоши Тадиус. — Что может вызвать большой ажиотаж? Трибуны будут заполнены до предела. В конце выживет только один. Если выживет.

— Все захотят увидеть такой финал, — Эрика облизнула губы розовым кончиком языка.

— Продемонстрируйте-ка мне ваши улучшения, друзья мои, — Друид Крови махнул рукой.

И в следующую секунду сделал нечто, от чего Мирана перестала дышать.

Из спины Эрики — из-под лопаток выросли четыре отростка. Они появились медленно, прорывая ткань платья с мокрым шорохом. Что-то среднее между рукой и змеей.

Органические, покрытые блестящей хитиновой кожей болотного цвета, с острыми когтевидными наконечниками. Они развернулись за спиной Эрики, как четыре дополнительных руки, изгибаясь и пробуя воздух кончиками, и каждый был длиной в полтора человеческих роста. На их поверхности пульсировали кровеносные сосуды или что-то аналогичное.

Друид Жизни...

Эрика всегда была странной. Даже по меркам Семёрки, где каждый был чудачком на свой манер. Но это... это было что-то новое. Мирана никогда не видела у неё этой способности. Когда она научилась превращать собственное тело в это? И главное — как?

Отрастить себе дополнительные конечности, да ещё с хитиновым покрытием, которое больше подходило насекомым...

Это было что-то за пределами природы, что-то, что природа отвергла бы с отвращением!

Отростки покачивались за спиной Эрики, кончики лениво царапали потолок подвала, оставляя борозды в камне. Эрика заметила взгляд Мираны и улыбнулась сытой улыбкой хищника.

— Нравится? — спросила она тихо. — Это новое. Очень... изысканное дополнение.

Мирана не ответила. Отвернулась, но руки на груди сжались ещё крепче, до боли в пальцах.

Когда ты научилась этому, Эрика? И кто тебя научил? Тадиус? Или то, что теперь живёт внутри Тадиуса и носит его лицо? Мне он такого не предлагал. Подозревал что-то? Я больше не верю. Не могу верить во всё это.

Мысль пришла откуда-то из глубины сознания, и Мирана не стала её прогонять. Лишь спрятала глубже.

Крагнор кивнул на слова Тадиуса. Потом, словно почувствовав, что от него ждут чего-то большего, поднялся с бочки.

— Позволь, — сказал он низким, грудным голосом.

Тадиус кивнул.

Крагнор сделал шаг вперёд и развёл руки в стороны, ладонями вверх. Воздух в подвале стал влажным. Капли влаги выступили на стенах, на потолке, на полу, превращая сухое помещение в подобие пещеры у водопада.

И из этой влаги начали формироваться фигуры.

Первая копия Крагнора соткалась из воды справа — полупрозрачная, водянистая, но с чёткими очертаниями тела и лица. Вода не просто держала форму — она жила, пульсировала, имитируя дыхание и сердцебиение. Вторая появилась слева, третья — за спиной оригинала.

А потом Крагнор исчез.

Просто — был здесь, и в следующее мгновение его не стало. Мирана моргнула, и Друид Воды уже стоял на месте левой копии. Ещё моргнула — он переместился к правой. Снова — оказался за спиной, где была третья.

Он не перемещался между копиями. Он становился ими!

Настоящее тело и водяные двойники менялись местами быстрее, чем глаз успевал отследить, быстрее, чем разум успевал обработать.

Ещё одна способность на грани. У тебя нет питомцев, которые дали бы тебе эти силы, Крагнор.

— Благодарю за это, Тадиус, — сказал Крагнор, вернувшись в исходную позицию. Копии растеклись лужами, которые тут же высохли. — Три точки, мгновенное перемещение. Враг не знает, какой из меня настоящий, не сможет предсказать, откуда придёт удар.

— Четыре, — поправил Тадиус с одобрением. — Ты сам — четвёртая точка. Не забывай об этом. Это тоже может быть оружием.

Крагнор кивнул и сел обратно на бочку. Руки снова легли на колени в привычной позе.

Он не понимает, что происходит, — поняла Мирана, глядя на Крагнора. — Он просто выполняет приказы и радуется новым способностям. Не задаётся вопросами. Не видит общей картины.

А она видела. И картина ей не нравилась.

Тадиус продолжал, и в его голосе появились нотки, которые заставили Мирану напрячься.

— Семь ключей. — Он начал мерить подвал шагами, тяжело ступая, а псевдо-альфы крови лениво поворачивали головы, следя за движениями хозяина. — А у нас только пять. Могло быть шесть, если бы не Вальнор.

Повисла тишина.

— И нам не хватает двух.

Кровь для псевдо-альф ветра и жизни можно получить только из настоящих Альф.

Чтобы получить кровь, нужно добраться до зверя. Хорошо, что парнишка Макс этого не знал, но теперь может догадаться.

— Моран. — Тадиус остановился перед друидом Тени. — Раз первый план провалился, придётся идти до финала.

Моран медленно кивнул, смазав кровью подбородок.

— Это решится на арене. Тем даже лучше, — сказал Тадиус мягко. — Не только жатва. О нет, Мирана. Гораздо, гораздо больше.

Он повернулся к остальным и широко раскинул руки. Псевдо-альфы у его ног одновременно подняли головы. Красное свечение их шерсти стало ярче, пульсация участилась.

— Возведём же легенду о Чёрной Луне к её истинному величию, — голос зазвенел, как натянутая до предела струна, готовая лопнуть. — И увековечим себя в истории кровью тысяч.

Эрика тихо рассмеялась — звук получился не человеческий, больше похожий на шипение змеи. Её отростки колыхнулись в воздухе.

Крагнор кивнул — машинально, как кивал всегда, не вдумываясь в смысл слов.

Моран промолчал, глядя в пол.

Мирана стояла, скрестив руки на груди, и чувствовала, как внутри что-то медленно и необратимо сдвигается. Теперь будущее неизбежно.

Чёрная Луна. Истинное величие. Кровь тысяч.

Ты больше не мой учитель, Тадиус. Я ещё не знаю точно, кто ты теперь и что с тобой сделал Раскол. Но я узнаю.

Обязательно узнаю. И тогда решу, на чьей стороне буду стоять.

Тадиус говорил ещё долго.

Он был мастером полуправды.

Распределял роли на турнире.

Крагнор будет на финале. Его водяные копии позволят действовать одновременно в нескольких местах, и именно с его выступления начнётся хаос, который навсегда изменит этот мир.

Эрика работает с Мораном. Парень обязательно призовет Альфу. Не сможет не призвать. И тогда она должна будет помочь Друиду Тьмы.

Моран...

Мирана покосилась на друида Тени.

Он оставался ключевым исполнителем. Несмотря на провал. Вальнор и этот мальчишка-зверолов серьёзно его потрепали. Но именно он должен стоять в финале турнира. Быть рядом с Максимом, который точно пройдет в финал.

— Что насчёт меня? — спросила Мирана. Голос не дрогнул.

Тадиус посмотрел на неё.

— Ты — моя точка на земле, Мирана, — сказал он. — Когда грянет чёрная луна, именно ты должна быть моей опорой и сделать так, чтобы я призвал Альфу Жизни.

Она кивнула, стараясь не думать о том, что совсем не поняла, что это значит.

Девушка сжала челюсть и сосредоточилась на словах Тадиуса.

Совет закончился через час.

Крагнор ушёл первым — растворился в струе воды, просочившейся сквозь щель в кладке.

Моран задержался. Стоял у стены, сгибая и разгибая пальцы новой руки. Звук был едва слышным, но настойчивым: хруст, хруст, хруст. Плечи Морана были опущены от облегчения.

Он ожидал худшего. Что Тадиус не простит второй провал.

Почему простил?

Потому что Моран нужен. Пока нужен. Как нужны все они — инструменты в чужой руке, каждый со своей функцией, каждый заменяемый.

Кроме Тадиуса. Он — единственный незаменимый.

Эрика ушла молча. Отростки втянулись в её спину с тихим хлюпающим звуком. Одну секунду она была чудовищем с четырьмя дополнительными конечностями, и следующую — снова стройной женщиной с пустыми глазами и мягкой улыбкой.

Друид Крови стоял у дальней стены, поглаживая загривок ближайшего псевдо-альфы.

— Ты хочешь что-то спросить, — сказал Тадиус, не оборачиваясь.

— Нет, — ответила Мирана.

Тадиус обернулся и пристально посмотрел на неё.

— У тебя ведь нет неправильных мыслей, верно... Дочка?

На одну долю секунды глаза Друида Земли передали тревогу.

Учитель усмехнулся.

— До завтра, — кивнул он. — Отдыхай, Мирана. Скоро ты будешь нужна мне. Полностью.

Девушка развернулась и пошла к выходу, чувствуя между лопатками его взгляд.

Каменная лестница вела наверх, в подсобные помещения таверны, которая служила прикрытием для этого подвала. Крагнору не составляло труда контролировать трактирщика хотя бы несколько часов. Пусть его паразиты имели ограничения, но этого времени хватило, чтобы проверить операцию Морана.

Через пять минут их тут уже не будет.

Обычная таверна, обычный район, обычные люди наверху — пьют эль, жуют мясо, смеются над грязными шутками, не подозревая, что под их ногами решается судьба турнира.

Мирана поднималась по ступеням и считала шаги. Привычка. Считать шаги — значит контролировать пространство.

Двадцать три ступени.

На двадцать третьей она остановилась.

Оглянулась вниз, в тёмный проём, откуда сочился красноватый свет псевдо-альф. Снизу доносился тихий голос Тадиуса — он разговаривал с Мораном, но слов было не разобрать. Только интонация: спокойная, убедительная, словно он объяснял что-то очень важное терпеливому ученику.

Я не знаю, кто ты теперь, учитель. Но я не из тех, кого используют и выбрасывают. Я не Крагнор, которого можно направлять жестом. И не Моран, которого можно бить и прощать. Я не Эрика, которая...

Она запнулась.

А кто я?

Вопрос повис в темноте лестничного пролёта.

Мирана сжала зубы, развернулась и вышла в таверну.

Тепло и шум ударили по ней, как волна.

Никто не обратил на неё внимания. Мирана была, пожалуй, единственным друидом, в лицо которого не знал никто.

Девушка прошла между столов к выходу.

Оплот Ветров встретил её шумом и криками ужаса. Там, вдалеке, виднелись последствия сражения на крышах.

Но думала Мирана совсем не об этом.

Её отец знал бы, что делать. Первый Ходок, который однажды прикоснулся к Расколу... Его глаза в тот день приобрели тот особый серебристый отблеск, который бывает только у тех, кто заглянул в самое сердце магии. Так говорят. Человек, который мог бы взять любую силу, какую пожелает — и не взял!

Выбрал «другой путь»! Выбрал быть хранителем этой тайны, а не завоевателем! И что это ему дало? Сидит как пёс на привязи, не в силах покинуть Раскол, а его дочь теперь едва его помнит.

Мирана часто думала об этом. Чаще, чем ей хотелось бы признать.

Много лет назад, когда Тадиус забрал её, она была злой девочкой. Злой на отца, который вечно пропадал. Который всегда выглядел измождённым и отсутствующим. Словно часть его души так и оставалась где-то не рядом с ней.

Она злилась, что все шептались за спиной: «Бедняжка, растёт без внимания». Помнила эти взгляды — полные жалости и любопытства, как будто она была экзотическим зверем в клетке. Мир тогда казался слишком большим и равнодушным для тринадцатилетней девчонки с грязными коленками, царапинами на руках и звериной интуицией.

Тадиус дал ей то, чего не дал отец. Наставил на верный путь, дал цель и силы. Тогда Миране этого хотелось, а потом она просто резко всё забыла.

И, пожалуй, она была благодарна? До сих пор.

Но...

Благодарность — не слепота. Я не слепая. Никогда не была слепой.

Глава 3

Арий и Драконоборец пришли той же ночью. Просто появились на пороге дома.

Стук в дверь был негромким, но уверенным. Стёпа, стоявший на часах у двери с копьём в руках, едва не ткнул советника короля в живот, прежде чем разглядел его лицо в предутренних сумерках. Копьё дрогнуло в руке парня, остриё чуть качнулось в сторону живота незваного гостя.

— Спокойно, ученик, — сказал Иван, отодвигая древко в сторону двумя пальцами. Движение было небрежным, но я видел, как его плечи под плащом развернулись. Он был готов к тому, чтобы в долю секунды превратить жест примирения в захват. — Мы к твоему другу.

— Наставник, — Стёпа посмотрел на меня. Я кивнул, и парень отступил, пропуская гостей внутрь.

Иван вошёл первым, и взгляд его сразу нашёл Вальнора. Моментально, как хищник находит другого хищника в любой толпе. Древний оборотень сидел в дальнем углу комнаты и при появлении Драконоборца даже не шевельнулся. Только глаза медленно поднялись и встретили взгляд Ивана.

Два зверя, каждый из которых точно знает, на что способен второй, и не собирается делать вид, что не знает.

— Драконоборец, — сказал Вальнор ровным голосом. — Каждый раз, когда слышу это имя, жду, что войдёт кто-то повыше.

— А я каждый раз жду, что от жнецов пришлют кого-то помоложе, — Иван остановился посреди комнаты, не отводя взгляда. — Похоже, мы оба разочарованы.

Вальнор чуть качнул головой — что-то вроде признания удара.

— Последний раз, когда я тебя видел, ты хромал. Колено зажило?

— Зажило. — Иван усмехнулся одним уголком рта. — Всего лишь тренировка на пределе возможностей. Ты-то, наверное, всё так же линияешь весной. Или это уже возрастное?

Лана, сидевшая у окна, фыркнула. Мика переводил взгляд с одного на другого, как зритель на поединке, не понимая, шутят они или вот-вот бросятся друг на друга. Ника замерла с пучком трав в руке, и по её лицу было видно, что она задаётся тем же вопросом.

— Ты привёл с собой только советника? — Вальнор откинулся к стене. В его голосе мелькнула тень насмешки. — Я почти оскорблён.

— Если бы я думал, что ты опасен, я бы привёл армию. А так — хватит и меня.

— Когда-нибудь мы с тобой проверим, кто быстрее, — сказал Вальнор, и это прозвучало как обещание.

— Когда-нибудь — это вежливый способ сказать «никогда», — Иван скрестил руки на груди. — Тебе не понравится результат, старик.

— Может быть, — Вальнор впервые за весь обмен улыбнулся, и от этой хищной улыбки Стёпа у двери заметно напрягся. — А может, и нет. В этом вся прелесть.

— Мы что тут, собрались в словоблудии практиковаться? — недовольно сказал Арий.

Несколько секунд эти двое смотрели друг на друга. Потом Иван коротко кивнул, и Вальнор кивнул в ответ — этого оказалось достаточно.

Советник шагнул вперёд.

— Нам нужно поговорить. — Он посмотрел на меня, потом обвёл взглядом комнату.

Я повернулся к своим.

— Оставьте нас ненадолго.

Лана цыкнула. Её взгляд метнулся к отцу, потом ко мне, но она встала с подоконника, одёрнула плащ и двинулась к двери первой, не оглядываясь.

Вальнор медленно поднялся, и я заметил, как он чуть придержал правую руку, которую порезала какая-то из тварей Лже-Карца. Движение было почти незаметным, но Иван его увидел. Драконоборец ничего не сказал, но что-то отложил в памяти. Такие, как он, всегда замечают слабости.

— Что за секреты между жнецами и короной? — бросил Вальнор на пороге, не оборачиваясь. — Надеюсь, вы не собираетесь нарушить наш хрупкий мир?

— Боюсь, дело во мне, — холодно ответил я. — Идите.

Оборотень помедлил, потом качнул головой и вышел, тяжело ступая по половицам.

Мика поднялся из-за стола, подхватив сестру под локоть.

— Пойдём, Ника.

— Я ещё не закончила сортировать...

— Потом закончишь, — он мягко, но настойчиво потянул её к двери.

— Стёпа может остаться, — кивнул Драконоборец.

Барут встал последним. Потянулся, хрустнув спиной, поправил Фукиса за пазухой — зверёк высунул ярко-синее ухо и сонно моргнул, не понимая, зачем его тревожат.

— Проветримся, — торговец улыбнулся мне и похлопал Мику по плечу, проходя мимо. Улыбка была лёгкой, но глаза — серьёзными.

Дверь за ним закрылась, и в комнате стало тихо.

Арий выглядел как всегда — лицо спокойное и непроницаемое.

Иван занял место у стены — спиной к камню, лицом к двери и окну одновременно. Широкоплечий, с тяжёлыми руками, он всегда выглядел так, будто его вырезали из цельного куска гранита.

Арий разглядывал меня, я разглядывал Ария, и между нами висело напряжение, которое не нуждалось в словах, чтобы быть понятным. Это было похоже на то, как два зверя изучают друг друга перед схваткой.

— Слишком много шума, Зверолов, — сказал наконец советник.

Голос у него был ровный, спокойный, но с абсолютной уверенностью в том, что я должен слушаться.

— Ты устроил бой посреди жилого квартала. Крыши разрушены, черепица оплавлена огнём твоих зверей, жители в панике прячутся в подвалах. Дым видели отовсюду — городская стража думала, что началась осада. Стража поднята по тревоге, патрули удвоены. Король Аларих очень недоволен.

Пожалуй, это был один из тех редких моментов, когда злость поднялась мгновенно. Горячая, тугая, как пружина, которую слишком долго сжимали, а потом отпустили разом. Кровь ударила в виски, и я почувствовал, как мышцы в плечах напрягаются сами собой.

— Тогда пусть король сам мне об этом скажет, — ответил я, и голос прозвучал жёстче, чем я планировал. В нём слышались нотки, которые я не собирался показывать — усталость, и что-то ещё, что можно было назвать разочарованием. — Лично. Глаза в глаза. А не через посредников, которые приходят без приглашения и только и делают, что пытаются читать мне мораль после того, как сами же связали руки!

Иван оттолкнулся от стены.

Его кулак двинулся ко мне — скорее как предупреждение, как щелчок по носу зарвавшегося щенку.

Но я не был щенком.

Резко ушёл в сторону. Кулак прошёл мимо виска, обдав щёку ветром. Иван чуть приподнял бровь, в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Руки убери, Драконоборец, — процедил я стальным голосом. — Воспитывай так своих учеников, а я не в настроении.

— Вижу, — сказал Иван спокойно. Опустил руку и вернулся к стене, будто ничего не произошло. — Так, побаловаться захотелось. Вижу ты в форме. Злость — плохой советчик, Зверолов. А ты злишься.

— Я злюсь с того момента, когда Моран сбежал! Не ставь вы палки в колёса, мне не пришлось бы так изгаляться, и мы бы взяли его прямо на арене. ВМЕСТЕ!

Голос сорвался, прозвучал слишком громко в тишине вечерней комнаты, и мне потребовалась секунда, чтобы взять себя в руки. Глубокий вдох — воздух в лёгкие до самого дна. Выдох. Ещё раз. Ещё. Контроль.

— Вы ничем не помогаете, — сказал я тише, но от этого слова стали только острее. — Друиды охотятся на моих зверей, как на дичь в лесу. Моран чуть не забрал Режиссёра — и забрал бы, если бы не случайность. Мы дрались на крышах, как собаки на помойке, и могли сдохнуть — все, до последнего. А от вас за всё это время одно жирное ни-че-го.

Арий стоял неподвижно, как статуя в храме. Лицо — зеркало без единой эмоции. Но его пальцы чуть сжались на боку, веки едва заметно дрогнули.

А потом он сорвался.

Не закричал — Арий не из тех, кто кричит. Но его голос стал таким, что температура в комнате, казалось, упала на несколько градусов. Даже Стёпа у стены невольно выпрямился, почувствовав перемену в воздухе.

— Думаешь, мы ничего не сделали? — советник шагнул ко мне. — Думаешь, после того как ты убил участника турнира посреди ночи, к тебе не было вопросов? Думаешь, это само рассосалось, как дождь в песке?

Я открыл рот, но Арий не дал вставить слово.

— Ты убил зверолова, зарегистрированного от имени Южного Королевства, — продолжил он. — Это дипломатический инцидент, Максим. Скандал между короной. Король требовал расследования, требовал выдачи виновного, требовал компенсации в золоте и кровью. И знаешь, что сделал Аларих?

Пауза.

— Он три часа лично разговаривал, используя всё своё влияние, каждый политический козырь, который копил годами, чтобы эту историю замаяли. Три часа, Зверолов. Король, который правит четвёртой частью континента, три часа унижался ради тебя. Извинялся за подданного, которого не может контролировать. Предлагал компенсации, делал уступки, обещал расследование, которого не будет.

Злость внутри меня дрогнула. Не исчезла — но дрогнула, как пламя свечи на ветру.

— Я не знаю почему монах напал на меня. До сих пор лишь догадки.

— Кто в этом виноват? Я? Король? Ты — боец, а не политик, и чем меньше ты лезешь в наши дела, тем легче нам прикрывать твою задницу от последствий твоих поступков.

Арий замолчал и выдохнул.

— Король сделал всё, что мог, — добавил он ровнее, но в голосе всё ещё слышалась сталь. — Ты испортил порядок, нарушил правила, создал проблемы, которых можно было избежать. И теперь нам приходится выкручиваться. Мы выкручиваемся. Но не тебе говорить, что я или Иван делаем недостаточно. Ты даже не представляешь, насколько прикрыты твои тылы, Макс. Иначе ты бы давно был мёртв. Друиды не появляются в открытую не просто так. Именно наши войска шерстят Оплот Ветров. Именно по просьбе Алариха патрули усилены.

Я помолчал. Злость медленно отступала, уступая место чему-то тяжёлому. То неприятное чувство, которое оседает в груди и не даёт дышать полной грудью.

— Он хотел меня убить, Арий, — сказал я тише, спокойнее. — Тот монах — не обычный зверолов. Это был зверолов с кучей насекомоподобных тварей, и вот ещё что... Он твой братишка, или кто вы там друг другу. Монах был истинным магом пустоты.

Арий осёкся.

Мгновенная заминка, которую большинство людей не уловили бы. Но пальцы правой руки дрогнули.

— Истинный маг, — повторил Арий медленно. — Пустоты.

— Да.

— И при этом зверолов.

— Уж поверь, тварей у него было предостаточно.

Арий посмотрел на Ивана. Драконоборец ответил тяжёлым взглядом.

— Насколько они редки? Сколько их вообще осталось? — спросил я, чувствуя, как напряжение в комнате становится профессиональным. — Истинных магов?

— Мало, — ответил Арий после паузы. — Очень мало. Истинная магия приходит с рождением — или не приходит вовсе. Каждый истинный маг — это аномалия, исключение из правил, которое невозможно предсказать или объяснить.

— А чтобы истинный маг был ещё и зверолов... — Иван отлепился от стены и скрестил руки на груди. — Это настолько маловероятно, что за всю мою жизнь я видел лишь троих таких. Разом. Тогда я и получил своё второе имя.

— Драконоборец? Расскажи, — сказал я.

Иван оценивающе посмотрел на меня, потом кивнул.

— Я тогда не был телохранителем короля — возвращался верхом с дальней охоты, через южный тракт. Дорога шла вдоль городской стены, и я видел кортеж Алариха ещё издалека. Король возвращался после переговоров о торговых путях. Тридцать человек охраны. Серьёзный эскорт. Достаточный для любой разумной угрозы.

Он замолчал на секунду.

— Только угроза была неразумной.

Иван провёл ладонью по лицу. Шрамы на его руках побелели на фоне загорелой кожи.

— Первым ударил маг огня. Просто стена пламени поперёк дороги. Воздух прорезало с таким рёвом, будто рвались небеса. Передние лошади влетели в неё на полном скаку. Я слышал, как они кричали. Ты когда-нибудь слышал, как кричит лошадь, когда горит заживо?

— Слышал, — холодно ответил я. В памяти всплыли звуки из детства — крики животных во время лесного пожара.

— Да? Тем лучше. Значит понимаешь. Кортеж встал. Никто ничего не понял — сразу ударил второй. Маг гравитации. Людей вдавило в мостовую, лошади рухнули, ломая ноги с хрустом, который долетал до меня через рёв пламени. Один удар — и двенадцать человек перестали существовать. Красные пятна на серых камнях, осколки стали, смешанные с мясом и костями.

Стёпа у стены нервно сглотнул.

— Оставшиеся попытались драться. Началась настоящая бойня зверей и людей. За первый десяток секунд трупов было больше пятидесяти.

Иван помолчал.

— Третьим был маг кости. Невысокий, худой человек в тёмном плаще. Ничего особенного — если бы не то, как вокруг него дрожал воздух. У ближайшего Мастера охраны рёбра сломались внутрь за секунду. Когда враг убивает тебя, не касаясь — тело перестаёт слушаться. Я даже не осуждаю тех воинов. Это не трусость. Это инстинкт, который говорит бежать, потому что ты слабее.

Стёпа прислонился к стене плечом и посмотрел на меня. Мы не знали, почему Иван рассказывает это с такими подробностями, но перебивать воина, которого уважали, не собирались. Поэтому мы молчали и слушали.

— Когда я добрался до кортежа, в живых оставались семеро. Карета горела, дым стоял такой чёрный и въедливый. Аларих стоял с мечом в руке — один.

— И ты вмешался, — сказал я.

— Я ехал верхом, — поправил Иван. — С копьём. Маг огня стоял ко мне спиной — он не ждал удара с тыла. Я вогнал копьё ему в основание черепа на полном скаку. Стена огня рухнула в ту же секунду.

— Маг гравитации сразу развернулся и ударил. Моего коня расплющило на месте. Я услышал, как хрустнули кости, как лопнула грудная клетка, почувствовал, как седло уходит из-под меня вместе с жизнью животного. Успел выдернуть копьё и прыгнуть за долю секунды до того, как давление накрыло бы и меня.

— Каким образом? — выдохнул Стёпка.

— Ученик? — Иван вскинул брови. — Ты забыл, что я говорил тебе о возможностях тела? Мне не нужно быть магом или звероловом, чтобы двигаться быстрее магического удара.

— Ты мог так... — я действительно впечатлился. — Уже тогда?

Драконоборец усмехнулся и не ответил. Лишь продолжил.

— Я перекатился за опрокинутую повозку — он бил снова. Повозка затрещала, но выдержала — на секунду или две. Этого хватило. Я метнул копьё из-за укрытия. Он увидел его слишком поздно — не успел перенаправить давление. Наконечник пробил ему грудь. Ох уж эти маги, которые надеются только на свои силы. Оба даже не призвали зверей, потому что не успели. Их сил всегда хватало, а тут я... Да, Арий?

— А? — советник поднял рассеянный взгляд. — Да, так и есть.

— А третий? — спросил Стёпа. Голос у него был таким напряжённым и хриплым от сухости в горле, что Иван искренне улыбнулся. Похоже мой друг равняет эту историю на себя и понимает, сколько ему ещё учиться.

— Оставался маг кости, — сказал Драконоборец, и его лицо потемнело. — Он был в десяти шагах от короля. Он развернулся и ударил по мне. Три ребра и ключица. Вот так. — Иван щёлкнул пальцами. — Боль была такая, будто внутри тебя кто-то работает молотком. Я шёл к нему, чувствуя, как что-то хрустит и трётся в груди, как каждый вдох даётся через острую боль. А он ломал мне кости одну за другой. Четвёртое ребро — хрясь. Пятое — хрясь. Он знал, что я не дойду. Что через несколько секунд у меня не останется целых костей, чтобы стоять.

В воздухе висела тяжесть недосказанного, и я чувствовал, как моё сердце бьётся чаще, словно я сам был на той мостовой четырнадцать лет назад.

Это было воистину впечатляюще.

— Я дошёл. Копья не было и...

— Не может быть! — вырвалось у меня. — Как ты мог дойти?

— Стёпа? — Иван кивнул копейщику.

— Макс, дело в том, что Иван не просто так взял меня в ученики, — парень почесал затылок и нервно хохотнул. — Он увидел во мне особенность, такую же какая есть у него.

— О чём ты? — я опешил. Он что, всё время хранил что-то в тайне?

— Мы можем пройти тропой физических тренировок и укрепить своё тело гораздо крепче многих других людей, — смущенно добавил парень. — Поэтому я так много тренируюсь.

— Что-то я всё равно не понял, — нахмурился я.

— Кости! — повысил голос Иван. — Мышцы, кожа, кости — всё это мы можем развить до феноменальных показателей. Мне не нужна броня, чтобы меч отскочил. Понимаешь теперь?

— Это невозможно.

— Так же невозможно, как рысь, призывающая ураган? — улыбнулся Иван. — Как юный зверолов Максим, тело которого действует далеко за гранью обычного человека, а?

Я осёкся и поджал губы. Крыть было нечем. Иван вдруг рассмеялся, а затем продолжил.

— Так вот... Там, где обычного человека сплющило бы — у меня лишь сломалось ребро. Вот так я и дошёл. Он сломал мне шестое ребро, когда я был в пяти шагах. В глазах потемнело, но я видел его лицо — эта тварь очень удивилась. Никто не должен был дойти. А я дошёл.

И вогнал кинжал ему под челюсть снизу вверх. Лезвие прошло через плоть, хрящи, достало до мозга.

Все молчали. В тишине было слышно, как далеко внизу по улице едет повозка, скрипя колёсами по камням мостовой.

— Три истинных мага, — сказал Арий, и голос у него был тише. — Каждый по отдельности мог уничтожить отряд звероловов. Вместе они оставили больше тридцати трупов за какие-то секунды.

Он посмотрел мне в глаза.

— Аларих предложил Ивану должность главного телохранителя в тот же вечер, не дожидаясь, пока врачи соберут ему кости обратно.

— Подожди, — перебил я. — Ты сказал, что после этого получил прозвище Драконоборец. Но при чём тут драконы?

Иван усмехнулся — не весело, а с той горечью, которая остаётся после слишком дорогих побед.

— Банду эти троих истинных магов называли «Драконы», — сказал он просто. — Точнее, они сами себя так звали. Они свято верили в то, что человечество мешает пробудиться истинным зверям, спящим где-то в глубинах Раскола и носили татуировки. На спине каждого было изображение дракона, выжженное магическим огнём. У мага огня дракон извергал пламя, у мага гравитации — поднимал камни, у мага кости... У того дракон пожирал человеческие скелеты. Красиво и жутко одновременно.

— Драконы? — Стёпа рассмеялся. — Что за идиоты... Их не существует.

— Ты так думаешь? — ответил Арий. — Решил, что пожил в мире достаточно, чтобы быть полностью в этом уверенным?

Копейщик смутился.

— Да нет, я просто...

— Вот потому меня и стали звать Драконоборцем, — добавил Иван. — Трёх драконов, которые являлись опытными убийцами, и всех за один день. Слух разошёлся быстро. К вечеру половина столицы знала. К концу недели об этом говорили в соседних королевствах.

Он посмотрел на свои ладони, словно до сих пор видел на них кровь.

— Прозвище прилипло намертво. Хотя, честно говоря, я предпочёл бы, чтобы тот день никогда не случился. Много хороших людей погибло из-за амбиций трёх ублюдков с татуировками на спине.

Иван сделал шаг ко мне, и половицы под его ногами скрипнули.

— Макс, после этой истории ты реально думаешь, что мы ничем не занимаемся? Понимаешь, ЧТО бывает там, куда ты не смотришь? Подумай, почему я до сих пор охраняю короля Алариха? Этот человек изо всех сил держит оборону и пытается дать людям безопасность. Даже турнир, который ты наверняка не признаёшь, существует лишь для одной цели — дать людям ощущения того, что они всё ещё могут что-то контролировать. Что зверей можно убивать. Что они смертны. И когда твари нападут на их город во время очередного прилива... Что они могут поднять свой меч.

Я молчал. Слова застряли где-то между горлом и языком, как кости в рыбе.

— А ты что? — фыркнул Арий. — Сидишь, и думаешь, что мы сидим во дворцах и пьём вино из золотых кубков, пока ты дерёшься на крышах с друидами? Что считаем монеты и играем в политические игры, потому что нам скучно?

— Не лезь в политику, — сказал Иван. В его голосе не было злости. — Делай свою работу. Дерись со своими врагами. Защищай своих зверей. А большую игру оставь тем, кто в ней разбирается и знает её цену. Как сказал Арий — ты во многом дышишь просто потому, что у тебя надёжно прикрыты тылы. Мы делаем то, чего ты не видишь, потому что тебе и не нужно это видеть.

Злость внутри остыла окончательно. Не потому что Иван был красноречив — потому что он был прав. И я ненавидел это чувство, когда знаешь, что человек напротив прав, а ты нет, но признавать это всё равно не хочется. Так же, как ребёнок ненавидит справедливое наказание.

— Ладно, — сказал я.

Слово далось тяжело, как будто пришлось выдирать его из горла щипцами. Однако не понять всю важность момента — удел переросшего юнца, а я давно таким не был.

— Ладно. Принимаю. Но послушайте и меня.

Оба смотрели. Ждали.

— Моран вернётся, — сказал я, и уверенность в собственном голосе удивила меня самого. — Он не просто так пришёл на турнир. Он почти достал Режиссёра. Ему что-то нужно от рыси, и он не отступит, пока не получит это. Когда друиды сделают ход — а они сделают — я не смогу справиться один. Мне нужно знать, что в нужный момент вы вмешаетесь. Не «рассмотрите возможность», а вмешаетесь. Со всей силой, которая у вас есть.

Арий поднял руку — жест мягкий, но останавливающий. На его пальцах блеснули кольца.

— Прежде чем мы ответим — ты должен понять, в каких рамках мы все теперь существуем. Особенно ты.

Он заговорил тем ровным, бесцветным тоном, которым судьи зачитывают приговоры. Каждое слово звучало окончательно.

— После драки на крыше король Альметы выставил ультиматум. Любой — повторяю, любой — новый акт насилия со стороны участника от Железного Королевства Алариха вне арены будет расценен как объявление войны. Это война, Макс. Ты будешь объявлен врагом четырёх корон и не доживёшь до рассвета.

Я открыл рот, но Арий не позволил — поднял руку выше.

— Это первое. Второе: совет турнира назначил за тобой наблюдателя. Нейтральный человек вольного народа Оплота Ветров — опытный Мастер, знающий толк в своём деле. Ты его никогда не увидишь, как бы не пытался, поверь. Он будет следить за каждым твоим шагом вне арены. Если ты хотя бы замахнёшься на кого-то на улице, даже в ответ на оскорбление, ты будешь дисквалифицирован и передан Серебряному Королевству для суда по их законам. Аларих не сможет тебя защитить, потому что у него не останется ни одного политического инструмента. Он потратил всё, что имел, чтобы замять все твои предыдущие... Ошибки. Всё, Зверолов. Игры кончились.

— То есть я должен просто стоять и смотреть, если Моран придёт за Режиссёром? — спросил я. В груди вновь сжалось что-то холодное и злое.

— Ты должен быть умнее, — ответил Арий. — На арене — другие правила. Там ты можешь драться, калечить, убивать, если того требует бой. Арена священна, её законы выше дипломатии, старше королевств. Кровь, пролитая в честном поединке, не считается преступлением. Но за пределами арены ты — подданный Железного Королевства, и каждый твой поступок ложится на плечи Алариха. Третьего шанса не будет. Ни для тебя, ни для короля.

— Что? — я усмехнулся. — Судя по вашим каменным лицам, это не всё?

— Последнее, — добавил Иван негромко. — Аларих просил передать лично. Слово в слово. «Скажи Зверолову, что я ценю его клинок, но не потерплю, если этот клинок ударит без моего ведома. Следующий раз, когда он решит действовать сам — пусть помнит, что я защищаю его только из расчёта. И расчёт может измениться».

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинцовые гири. Как грёбанные оковы! Я почувствовал, как они давят на плечи, как вгоняют в пол. В горле пересохло.

Но я понимал! Понимал каждое слово и ненавидел каждое из них. Мы превратились в серьёзную политическую проблему, которую приходится решать. И если проблема станет дороже пользы — её устранят.

Ясно, — сказал я, и удивился тому, как ровно прозвучал мой голос. — На улицах не трогаю никого. На арене — без ограничений. А если Моран нападет первым — вне арены, на меня или моих людей?

Арий и Иван переглянулись — быстрый взгляд, полный понимания, отточенного годами совместной работы.

— Здесь ничего не меняется, — сказал Арий медленно, взвешивая каждое слово на невидимых весах. — Самооборона — другое дело. Но доказательства должны быть железными. Свидетели, следы, однозначность угрозы. Если хоть кто-то усомнится, что ты защищался, а не провоцировал — ты труп.

— Класс! — я не сдержался и вскинул руки. — И что? Дадим друидам делать свои дела, да?

Афина, всё это время мирно спавшая в углу комнаты, вдруг рыкнула. Драконоборец хмыкнул.

— Теперь к твоему вопросу. Мы вмешаемся. Но на наших условиях.

Ох, что-то мне всё это уже не нравится.

— Не раньше, чем они придут все, — продолжил Иван. — Моран — один. Опасный, да, но один. Но за ним стоит «Семёрка». Мы подозреваем, что они рассредоточены по городу. Скорее всего часть из них уже в Оплоте Ветров, но тщательно скрывается. Если мы ударим по Морану сейчас... Что тебе объяснить, ведь ты уже попробовал один раз?

— Все друиды придут на турнир, — подхватил Арий. — Когда соберутся все — мы будем готовы. И разом покончим со всей угрозой. Это договорено, Макс. Четыре короны закончат с друидами.

— Не четыре, — зло процедил Драконоборец.

— А... кхм, — советник закашлялся. — Да, с Валдрисом третьим всё не просто. Почему-то он стойко держит нейтралитет, но это вопрос времени.

— Да он вообще будто сам не свой, — фыркнул Иван.

Я стиснул зубы так сильно, что заболели челюсти. В висках застучало.

Логика была понятной... Но только если учесть, что мне полностью связали руки. Ждать, пока враги соберутся, означало дать Морану время для ещё одной попытки? Нет, он этого не сделает. Я больше не выпущу Режиссёра из ядра. И если будет надо — СДОХНУ, но не дам им сделать, что хотят. Это уже слишком личное.

Эти друиды...

Ублюдки!

Мой удел — стоять с завязанными руками и улыбаться, потому что наблюдатель за спиной, и король, чья лояльность измеряется в политической валюте, которая вот-вот обесценится.

— Хорошо, — сказал я наконец, и слово прозвучало хрипло. — Но послушайте меня внимательно, советники. Если друиды доберутся до меня раньше, чем вы будете готовы, я не стану ждать. Не обсуждается. Если будет нужно — весь этот город будет гореть. Я положу на лопатки любого, кто захочет добраться до моих друзей и стаи.

Иван опустил голову, и мне показалось, всего на миг, что он одобрительно улыбнулся. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Ты совсем нас не слушал, да? Куй свою судьбу сам, Макс. Мы предупредили.

— Я понял.

Арий уже шёл к двери, его шаги по полу звучали мягко, но решительно. На пороге он обернулся.

— Осталось всего три дня, — сказал он. — Три дня, Зверолов! Не будь упёртым идиотом. Дверь закрылась с мягким шелчком.

Я стоял посреди комнаты и чувствовал, как внутри, где только что кипела злость, остаётся пустота.

Стёпа смотрел на меня от стены, не решаясь заговорить первым, и в его глазах читалось множество вопросов.

— Шесть рёбер... — сказал я вслух.

— Что? — переспросил Стёпа.

— Ничего. — Я потёр лицо ладонями, чувствуя, как усталость наваливается волнами. — Лучше скажи... Ты со мной?

Копейщик на секунду замер. На его лице отразилась целая гамма чувство. Гнев, недоумение, а затем... Спокойствие.

— Знаешь, Макс, — парень улыбнулся. — Я с тобой за год пережил чьих-то две жизни. Меня тренировали, ранили, я участвовал в обороне Драконьего Камня, бился с монахом, меня, чёрт возьми, в кокон засунули. Думаешь, во мне осталось чувство страха? Да я уже жить без такого не могу.

Мы рассмеялись, и этот смех убил царившее в комнате напряжение.

Спасибо, Стёпка, это было мне нужно.

Глава 4

Солнце уже давно село за крышами домов. Улицы опустели, но не засыпали. Город готовился к завтрашнему дню турнира. Первые бои финала.

Все собрались на кухне — не потому, что хотели есть, а потому что кухня была единственной комнатой в доме, где помещались все одновременно.

Я рассказал о прошедшей встрече, ничего не утаив.

Лана сидела на подоконнике, поджав под себя одну ногу, и смотрела в окно. Её пальцы машинально перебирали край плаща, и в этом движении читалось постоянное беспокойство.

Стёпа занял привычное место у двери — копьё прислонено к стене, рука на расстоянии вытянутых пальцев, глаза следят за всем, что происходит в комнате. Парень тоже заметно нервничал после схватки.

Мика с Никой устроились за столом. Лекарь сидел и хмуро крутил в пальцах деревянную ложку, время от времени поглядывая на сестру.

Барут примостился на скамье в углу — Фукис спал у него за пазухой и тихонько посапывал.

На столе стоял чугунок с кашей, к которой никто не притронулся. Каша давно остыла. Рядом лежали деревянные ложки, нетронутые куски хлеба и кружки с остывшим чаем. Вся эта еда выглядела как декорация.

Вальнор сидел в дальнем конце стола. Его руки лежали на столешнице ладонями вниз. Я невольно заметил, как тихо подрагивают его пальцы.

И ещё кое-что.

Оборотень дышал тяжелее обычного. Грудная клетка поднималась чуть медленнее и опускалась чуть глубже, как у человека, который привык к боли и научился дышать вокруг неё, не показывая окружающим, насколько всё плохо.

На его правом предплечье, выше запястья, темнели три длинных пореза, полученные на крыше. Раны были неглубокими, скорее царапины, но они не затянулись. Наоборот — края покраснели и припухли.

Его дочь тоже это видела. В её глазах читалась тревога.

Молчание всё давило.

— Макс, — сдержанно сказала Лана наконец. Негромко, но что-то в голосе заставило всех поднять взгляды. — Объясни-ка мне. Монах, который выступал от другого королевства, напал первым. Ты пытался поймать Морана — угрозу континенту, о которой они знают. И после этого приходят эти двое, а ведь они, якобы, на твоей стороне, и вешают на тебя наблюдателя, угрожают четырьмя коронами и говорят «не лезь»?

— Мне тоже не понравилось, — сказал я.

— Речь не про «понравилось», — перебила Лана. — Я хочу понять. Потому что пока это выглядит так, будто виноват тот, кого чуть не убили.

Я помолчал, глядя на свои руки.

— Лана, боюсь всё работает не так просто, как мы хотим. Но есть и хорошие знаки.

— Да? — Барут нахмурился. — И какие?

— Иван усмехнулся. Когда я сказал, что положу всех, кто придёт за вами или стаей — он усмехнулся. А советник это не остановил. Оба пропустили. — Я медленно сжал и разжал пальцы. — Люди, которые против тебя, не улыбаются твоим угрозам.

Лана медленно повернулась ко мне. Что-то в её взгляде чуть сдвинулось, но вопрос не ушёл.

— Вы кое-чего не знаете. У нас уже был разговор, и они меня предупреждали. Ещё до того, как всё это случилось. Иван прямо сказал — следи, а не бей. Я пообещал следить. — Пауза. — А потом всё пошло не по плану.

— Будто ты мог это предвидеть! — Лана всплеснула руками.

Вальнор заговорил ровно, как человек, которому не нужно повышать голос, чтобы его слушали.

— Дети... Куда вы лезете? — он медленно поднял взгляд от своих рук. — Вы ничего не понимаете! Максим, как тебе удалось стать связующим звеном между жнецами и короной?

— Ещё один старец, который решил поучить меня жизни? — я не сдержался, потому что на сегодня мне хватило нравоучений.

Вальнор одобрительно рыкнул и продолжил:

— Да, мои пятьсот лет сослужат тебе службу. Слушайте внимательно как всё работает. Аларих знает, что Макс был прав. Свидетели есть, факт нападения очевиден. — Он обвёл взглядом стол. — Но монах был зарегистрирован участником от ДРУГОГО королевства. И Оплот Ветров — единственное место на континенте, где четыре короны сидят за одним столом. Здесь не работают правила. И это равновесие держится не на справедливости, а на том, что никто не делает первого публичного шага.

— И, если Аларих открыто встаёт на мою сторону, — мрачно сказал я, — это королевство даёт повод.

— За поводом идут требования. — Вальнор провёл большим пальцем по порезам на предплечье. — За требованиями — ультиматумы. Королевства начинают смотреть друг на друга с подозрением. Я видел, как такое начинается аж четыре раза за всю свою жизнь. Каждый раз кто-то был прав. И каждый раз это не имело никакого значения — потому что к тому моменту уже горели деревни.

Ника тихо убрала руки со стола.

— А «Семёрка», пока все заняты грызнёй, — сказал Барут негромко, — делает своё дело.

Вальнор посмотрел на него.

— Смышлёный малый. — Оборотень чуть наклонился вперёд. — Друидам нужен хаос. Конфликт между королевствами — это не побочный эффект их плана, а его часть. Вы думаете, что Моран хотел только кровь Режиссёра? Очнитесь, дети! Каждый конфликт между коронами — это внимание, отвлечённое от Раскола, войска, которые смотрят не туда, время, которое «Семёрка» использует без помех. Аларих потратил кучу времени, чтобы замаять шумиху — не ради Макса лично, а ради того, чтобы не дать друидам первый камень для лавины.

И вот тут меня пробрало настолько, что сдавило грудь.

— То есть... Вот почему Моран убегал по крышам!

— А ты об этом даже не думал? Чтобы создать больше шума, заставить короны грызться, и чтобы именно ты привёл хлипкий союз к развалу! Почему, по-твоему, Арий и Драконоборец отговаривали тебя? Говорили не действовать открыто! Что бы ни замыслили друиды, мы знаем, что все пути приведут к Расколу нашего континента. И война — это то, что им нужно. Потому что тогда в ней погрязнут все, а в глубинную зону пойдёшь ты один.

— Потому что иначе я не смогу...

— Всё ещё хотите что-то сказать про Ария и Драконоборца? Не лезьте в политику и слушайте союзников — сказал Вальнор без злости, как будто объяснял очевидное в сотый раз.

— Но почему они прямо не говорили об этом? — подал голос Мика.

Когда оборотень посмотрел на него, лекарь тут же отвёл взгляд.

— Говорить кому-то о планах короны? Уговаривать? Надеяться, что человек столь юного возраста и столь внушительной силы послушает и примет? В этом больше вреда, чем пользы, пацан, — Вальнор тяжело покачал головой и посмотрел на дочь.

— Ну хорошо... А охрана? — Голос Ланы стал острее. — Почему Макса, который помогает Железному Королевству, никто не охраняет? Отец, это бы избавило от многих проблем, ведь так?

Вальнор помолчал, подбирая слова.

— Представь, что завтра утром у этого дома встали двое Мастеров Алариха, — сказал он. — К полудню об этом знает весь Оплот. К вечеру советники трёх королевств задают вопросы. Почему солдаты Железного Королевства охраняют участника турнира? Кто этот человек? У него особая сила? Он победит Турнир? Чем он так ценен для Алариха, что ему нужна отдельная защита? Что вообще происходит?

Он обвёл взглядом стол.

— И король оказывается перед выбором. Либо говорить всю правду — о том, что есть человек, который действует изнутри... Но может ли он настолько доверять своим «союзникам»? — Вальнор хмыкнул. — Что если тогда «Семёрка» узнаёт больше, чем нужно? Как-то использует любую информацию? Не под контролем ли у друидов короли?

— Чёрт, да это какой-то бред, — я потёр лоб, пытаюсь осознать, что мне это не снится.

Вальнор продолжил:

—... Либо Аларих врёт — и тогда, когда что-то всплывёт, это вдвое хуже, потому что король лгал союзникам в открытую, — оборотень чуть качнул головой. — Поэтому вас прикрывали так, чтобы вопросов не возникало. Патрули, войска в Оплоте — всё то, что и так есть на любом турнире. Ничего лишнего, ничего заметного.

— То есть охрана была, — сказал я. — Просто такая, чтобы никто не спросил зачем.

Вальнор кивнул.

— Но они не могут находиться возле твоего дома постоянно.

— Так вот откуда после сражения с монахом появилась стража, — ошарашенно выдохнул Мика.

Молчание осело на кухню другим весом. Картина наконец сложилась и оказалась настолько уродливой, что мне просто захотелось выбросить её из головы.

— Иван и Арий играют роль, которую им отвела ситуация, — добавил Вальнор тихо. — Не путайте инструмент с врагом.

Лана не ответила. Она отвернулась к окну, и её пальцы на краю плаща наконец перестали двигаться.

Стёпа у стены медленно выдохнул через нос.

Молчание протянулось ещё несколько секунд. Потом я отставил кружку и заговорил, потому что молчать дальше было некуда.

— Мы упустили Морана. Но теперь ясно, что они хотели убить двух зайцев разом. Вот только кровь Режиссёра им не досталась.

— Это хорошо, — ответил Вальнор.

— Да, но почему? Раньше я думал, что у них Альфа Жизни, и они могут создавать псевдо-альф из любого зверя нужной стихии. Как-то через её силы, — Я потёр лицо ладонями. — Но теперь глупо размышлять в этом направлении.

— Что ж, судя по всему, мы ошиблись. Режиссёр — последняя Альфа, которая им нужна, — предположила Лана с подоконника, не отрывая взгляда от окна.

— Он вернётся, — сказал Вальнор с той уверенностью, которая не терпела возражений. Все посмотрели на него.

— Моран пожертвовал половиной своей сущности ради побега, — продолжил древний оборотень. — Всё, что им нужно — здесь, на турнире. Они знают, что ты участвуешь. Слишком многое поставлено на кон, чтобы уйти с пустыми руками. Они придут.

— И что делать? — тихо спросила Ника. Её руки замерли над столом. — Максим сказал, что теперь руки связаны. Просто ждать?

— Ждать — не значит бездействовать, — ответил я уверенно. — Корона поможет, просто на своих условиях. Если друиды объявятся... Кхм, когда друиды объявятся — на них обрушится вся сила четырёх корон. Я пройду в финал и заберу солнечную саламандру. И это тоже непросто. А ещё у нас впереди гонки, что тоже важно. Не хочу жить сегодняшним днём. Корабли Варона нам тоже понадобятся, ведь так?

Никто не ответил. Даже Барут.

Ника потянулась к чугунку, зачерпнула остывшей каши и начала медленно есть, будто доказывая мне, что она очень хочет жить. Глядя на девчушку, я почувствовал себя неуютно.

Потянулся к каше и Мика, а за ним — Стёпа. Ещё одна привычка копейщика — поесть, не упуская возможность.

Вальнор не ел. Лана не ела. Я не ел.

Мы смотрели друг на друга через стол, и в этом взгляде было больше понимания, чем могли вместить слова. Понимание того, что скоро всё изменится. Что турнир — это рубеж, за которым начнётся что-то новое. И что не все из нас увидят, чем это новое кончится.

Мышцы между лопатками сами собой напряглись и не отпускали. Выйти из этой заварухи целыми не получится. Не всем.

Мы понимали это.

— Есть кое-что ещё, — сказал Вальнор после долгого молчания.

Он посмотрел на каждого из нас по очереди.

— Вы слышали о народе провидцев?

Мика покачал головой. Ника нахмурилась, откладывая ложку. Стёпа пожал плечами. Барут, казалось, задремал, но одно ухо Фукиса повернулось в сторону Вальнора.

— Давно вымерший народ, — продолжил Вальнор. — Они жили в глубинах зоны максимальной опасности, задолго до того, как туда пришли первые королевства. Провидцы не были магами в привычном смысле — они не управляли стихиями, не приручали зверей и не лечили болезни. У них был только один дар. Они видели будущее — не чётко, а сквозь пелену образов и метафор, которые нужно было расшифровывать.

— Оракулы? Я слышала о таких! — с придыханием спросила Ника.

— Нет, солнышко. — Вальнор покачал головой. — Провидцы говорили о неизбежности, о том, что случится независимо от наших желаний. Разница существенная.

Он помолчал и посмотрел на свои незаживающие порезы.

— Мне было всего шестнадцать, когда я встретил последнего из них. Старик, умирающий на берегу моря, в хижине из выброшенного прибором плавника какой-то огромной твари Восточного океана. Он знал, что умирает, знал, что его народ исчез навсегда, и это его не печалило.

— Старик тогда сказал мне: «Ты будешь жить долго, волк. Достаточно долго, чтобы увидеть, как одно из пророчеств нашего народа, Чёрная Луна, сбудется. И когда оно сбудется, ты должен быть рядом с тем, кто не принадлежит этому миру. Не ошибись».

Меня пробрало до мурашек. Нет, не может быть, чтобы это было обо мне.

— Я запомнил эти слова и не забыл за все пять веков, — сказал Вальнор. — Кто-то пришёл в наш мир из Раскола. Вопрос лишь в том, кто? Знаете, как звучит Чёрная Луна?

И процитировал — голосом, который стал глуше и старше, будто годы, прожитые с этими словами, навалились на него разом:

— «Когда ясная ночь потемнеет без туч, а зверь без клыков пожрёт толпу — наступит время последнего выбора. И придёт великая жатва и кровавый пир, знаменующий начало конца».

Тишина стала абсолютной. Даже звуки с ночных улицы словно затихли, не решаясь нарушить момент.

Ника побледнела и сжала кулачки. Её брат перестал крутить ложку и уставился на Вальнора широко открытыми глазами

— Чёрная Луна, — прошептала Лана.

Вальнор тяжело кивнул.

— Так это называют. «Ясная ночь, потемневшая без туч» — луна, которая гаснет без видимой причины. Никто не знает, как это возможно. «Зверь без клыков, пожирающий толпу» — что-то, что убивает множество людей, не имея оружия в привычном смысле. Даже я, за четыреста с лишним лет, не нашёл ответа. Кажется, что время ответов подходит.

— Или... птица? — вставил Стёпа. — У них нет клыков.

— Как-то слишком просто, — покачал головой оборотень. — Остаётся лишь гадать.

— Но ты уверен, что это связано с друидами, — сказал я.

— Я думаю, что слово «жатва» — не случайность, — ответил Вальнор. — Друиду Крови очень подходит это слово, вам так не кажется? Да и в совпадения я не верю. Слишком многое на кону. Чего не пойму — так это кто этот «пришелец из иного мира».

— Значит, пророчество о турнире? — Мика наконец заговорил — его голос звучал растерянно, как у ребёнка. — О том, что произойдёт здесь в ближайшие дни?

— Я не знаю! — рыкнул Вальнор, и вскинул правую руку. Движение это далось ему с трудом. — Провидцы не указывали времён и мест. Они видели суть происходящего, а не обстоятельства. Может быть, это о турнире. Может быть — о чём-то, что ещё не произошло, что случится через годы или десятилетия. Но я... Моё время истекает. И тот старец сказал, что я застану пророчество. Вот и всё.

Я сидел и перекачивал слова в голове, как камни в руке. «Великая жатва и кровавый пир, знаменующий начало конца». Красивые слова. И одновременно страшные. А ещё — совершенно непонятные, как загадка, написанная на мёртвом языке.

— Что нам с этим делать? — спросил Стёпа с простой человеческой прямоотой. — Конкретно — что?

— Пока — помнить, — ответил я после долгой паузы. — Когда станет яснее — действовать по обстоятельствам.

Не самый убедительный ответ. Но единственный честный в текущей ситуации.

Меня злило, что целостной картины не разглядеть. Тревога и холодок между лопаток заставляли мышцы напрягаться против воли. Я окинул взглядом свою группу — теперь в неё входил и древний оборотень. Столько людей зависят от моих решений и слепо идут за мной в неизвестность.

Когда это случилось? Как я оказался в центре всех этих событий, а они рядом? На мгновение вспомнил об Ольге, Ирме, Дамире и Лине. Хотя бы за них душа была спокойна — ученики развивались семимильными шагами под защитой столицы баронства. Правильно, что отправил всех в Драконий Камень. Там они точно в безопасности.

Взглянул в окно. Где-то в этих сумерках друиды тоже готовились к финалу.

Ночь накрыла город тяжёлым покрывалом. Дом затих.

Скрипнули ступени — Стёпа неспешно направлялся к своему посту у входной двери.

Мика и Ника прошли в свою комнату на втором этаже, и через минуту из-за закрытой двери донёсся тихий разговор.

Я лежал на кровати и смотрел в потолок. Балки тёмного дерева пересекались в геометрическом узоре, паутина в дальнем углу дрожала от невидимых сквозняков.

Тусклый свет лунного серпа пробивался через щель в неплотно прикрытых ставнях, рисуя на полу серебряную полоску. Тело было уставшим, каждая мышца ныла после сегодняшних событий, но голова отказывалась отключаться. В ней кружились, словно в водовороте,

обрывки слов пророчества, жёсткие лица друидов, кулак Ивана, который промелькнул у самого виска.

Внезапно раздался деликатный стук в дверь. Два коротких удара костяшками.

— Кто? — спросил я, приподнимаясь на локте.

Дверь медленно отворилась, петли тихо заскрипели, и в проёме появилась Лана.

Я почти не узнал её. Вместо привычной боевой экипировки — простая рубашка до колен. Тёмные волосы распущены и падали на плечи тяжёлыми волнами. Без оружия, без привычной настороженности хищника, готового в любой момент среагировать на угрозу.

В её позе не было ни следа той пружинной готовности к прыжку, которая обычно чувствовалась во всём её облике.

— Можно? — спросила она тихо. Я услышал неуверенность, которой раньше у неё не замечал.

— Заходи. Всё в порядке?

Лана вошла и аккуратно закрыла за собой дверь. Постояла секунду, прислонившись спиной к дверному косяку, словно решая, стоит ли идти дальше или лучше развернуться и уйти, пока не поздно. Потом выпрямилась, будто приняв решение, и медленно прошла через комнату.

Села на самый край кровати, там, где лунный свет высвечивая изгибы её фигуры под тонкой тканью.

Несколько длинных секунд мы молчали. Я слышал её глубокое дыхание. Где-то за окном протяжно прокричала ночная птица.

— Ты видел его руку, — сказала Лана наконец. Она констатировала факт, который уже нельзя было отрицать.

— Видел. Раны не заживают.

— Они заживают. — Её голос был тише обычного. — Просто медленно. Гораздо медленнее, чем раньше. Для оборотня его силы — это начало конца. Прямо как в пророчестве.

Она замолчала, и машинально начала гладить край одеяла пальцами. Успокаивающее движение — как человек гладит кошку, думая о чём-то совершенно другом.

— Он стареет, Макс.

Слова прозвучали хрупко, даже болезненно. Как будто она прикусила себе язык. Я молчал, потому что чувствовал, что пантере нужно выговориться.

— Он, кстати, волк... Я думал, тоже пантера.

— Формы оборотней абсолютно разные. Папа не умеет обращаться полностью. Он лишил себя истинной формы ради подобной трансформации.

Я лишь вскинул брови.

— Пожалуй, даже не буду удивляться. Сколько ещё я не знаю даже страшно представить.

— Знаешь, у нашего народа была одна способность, — продолжила Лана, игнорируя моё замечание. — Мы называем это «Последний прыжок». Когда оборотень понимает, что ему осталось недолго, он может... сжечь всё. Всю оставшуюся жизнь — за один бой. Превратить годы в минуты абсолютной силы. Все резервы организма, вся накопленная за столетия мощь — в одну точку.

— А потом? — спросил я, хотя и так знал ответ.

— Потом — смерть. — Лана медленно повернулась ко мне, и в полумраке её глаза на секунду блеснули жёлтым. — Тело сгорает за минуты. Ни малейшего шанса. Остаётся только пепел.

— Не думаешь же ты, что...

— Ему осталось совсем немного, Макс, — перебила Лана.

Фраза повисла в воздухе между нами, тяжёлая как надгробный камень. Я промолчал, понимая, что любые слова сейчас будут неуместны.

— Когда остаётся меньше двадцати лет тело оборотня начинает иссыхать изнутри, — говорила Лана. — Мышцы теряют плотность, становятся дряблыми. Кости делаются хрупкими. Регенерация замедляется — ты сам видел на его руке. Вы называете это старостью. Скоро начнётся необратимый распад. Каждый день будет отнимать у него силы. Он будет становиться слабее, пока не превратится в тень самого себя.

— Двадцать лет — это не мало, — сказал осторожно.

И сразу понял, что это совсем не то. Что-то щёлкнуло в воздухе, как натянувшаяся струна.

Лана резко повернулась ко мне, и в её глазах полыхнуло.

— Для тебя — не мало, — сказала она, и голос стал жёстче, в нём прорезалось едва слышное рычание. — Для человека, который проживёт, если повезёт, лет семьдесят. Для меня это как год. Может, два. — Она выпрямилась, и лунный свет обрисовал напряжённые линии её тела. — Я видела, как рождались люди, Макс. Как они делали первые шаги, росли, выросли, старели и умирали. Или погибали. А потом видела, как старели и умирали их дети. И внуки. И правнуки. Целые династии проходили перед моими глазами, как времена года. Можешь ли ты вообще понять каково это? Двадцать лет — это пыль!

Я молчал, чувствуя тяжесть её взгляда.

— Мне почти четыреста, — продолжила Лана тише, но слова от этого не стали мягче. — Осталось, может, лет восемьдесят. Для тебя это звучит как целая жизнь, которую можно прожить заново. Для меня. Как... Чёртов последний глоток воды в пустыне! Каждый год кажется короче предыдущего, потому что он становится меньшей частью от общего. И каждый день я смотрю на отца и вижу, как он становится медленнее, как раны заживают дольше, как его глаза тускнеют — по чуть-чуть, незаметно для всех остальных, но не для меня!

Она замолчала.

— Я ...- Лана запнулась, потом мотнула головой и громко выдохнула носом. — Боюсь, что однажды он решит, что моя жизнь стоит его смерти! Что он сделает «Последний прыжок», потому что для него это будет логичным обменом. Одна жизнь против другой. Выгодная сделка — двадцать лет против сотни.

Её голос надломился на последнем слове, и она быстро отвернулась, пряча лицо. Плечи дрогнули — едва заметно, но я это увидел.

Я сел на кровати. Медленно протянул руку и коснулся её.

Лана не шевелилась.

Потом повернулась ко мне, и её лицо оказалось совсем близко — так близко, что я видел тонкую тень под глазами.

— Я уже тебе говорила... Мы всё время бежим вперёд, — сказала она тихо, и в голосе появилась новая нота. Что-то похожее на отчаяние, но более светлое. — Всё время дерёмся, планируем, выживаем. Строим стратегии на завтра, на послезавтра, на следующий год. А жизнь проходит мимо. Завтра может не быть, Макс. Для любого из нас. Ты сам сказал, мы не боги. Мы можем умереть от случайной стрелы или от неудачного падения. Чёрт, да мы можем умереть от тысячи мелких глупостей.

Она протянула руку и коснулась моего лица кончиками пальцев. Невесомо, как пробуют температуру воды перед тем, как погрузиться. Её ладонь была тёплой, и кожа удивительно мягкой. От этого простого прикосновения что-то внутри меня, натянутое как тетива, наконец отпустило.

Я перехватил её руку, переплёл наши пальцы и потянул к себе, заставляя её податься вперёд. Потом обнял за талию и мягко повалил на кровать.

Лана не сопротивлялась — позволила себе упасть на спину, тёмные волосы веером разлетелись по белой подушке, и на её лице расцвела настоящая улыбка.

— Пытаешься обуздать пантеру? — спросила она, и в голосе зазвучало мурлыканье, идущее откуда-то из глубины груди.

— Пытаюсь? — Я наклонился к ней, чувствуя, как её дыхание касается моего лица. — По-моему уже это сделал.

И поцеловал.

Её губы были мягкими и горячими, на вкус — как мёд с привкусом дыма лесного костра, как что-то дикое и сладкое одновременно.

Когда она обхватила меня руками, притягивая ближе, сильными пальцами впившись мне в спину я...

Я перестал думать вообще, потому что Лана потянула меня ещё ближе, и весь мир сузился до тепла её тела и до того, как её пальцы запутались в моих волосах.

Утром меня разбудило солнце.

За окном щебетали птицы, где-то внизу бряцала посудой проснувшаяся Ника, и весь дом наполнялся звуками просыпающегося дня.

Лана спала рядом.

Я лежал на боку, подперев голову рукой, и просто смотрел на неё — на лицо, полностью расслабленное сном и на едва заметную улыбку в уголках чуть припухших губ. Просто девушка, которая наконец-то хорошо выспалась после долгой бессонницы.

Четырёхсотлетняя пантера и я — егеръ из другого мира, в молодом теле. Неплохая парочка. Кто-нибудь из психотерапевтов определённо написал бы про нас научную работу.

Лана пошевелилась и недовольно поморщилась от солнечного света. Открыла один глаз, посмотрела на меня из-под тёмных ресниц и улыбнулась — медленно так, лениво, по-кошачьи довольно. Потянулась всем телом и выгнулась, как настоящая кошка на солнце.

— Ну что, — сказала она хриплым спросонья голосом, — пойдём посмотреть первые бои финала? Или ты так и будешь пялиться на меня до обеда?

— Нет, — ответил я, не отрывая взгляда от её лица. — Я видел всех, кого нужно было увидеть. Отправим Стёпку — он понаблюдает, я ему доверяю. Он ничего важного не упустит. А нам с Мораном сейчас лучше не пересекаться. Он точно хотел что-то сделать с Режиссёром, и нет смысла маячить у него перед носом, пока мы... Впрочем, чего повторяться.

Лана приподнялась на локте, и одеяло соскользнуло с плеча. Солнечный свет играл на её коже, и я едва удержал взгляд.

— План меняется? — спросила она, перестроившись на деловой лад.

— План адаптируется, — поправил я. — Драконоборец и Арий обещали вмешаться прямо на арене, когда появятся все друиды. А пока есть другие дела, которые требуют внимания.

— Какие?

— Ну... Кое-кто обещал Баруту помочь с Фукисом. — Я потянулся к кувшину с водой на столике и сделал глоток. — Нам ведь они нужны, да? Чтобы, когда всё закончится, свалить отсюда по-человечески? Не пешком по тракту.

Лана тихо, тепло рассмеялась, и от этого смеха комната стала светлее.

— Поселимся в деревне жнецов? — спросила она с лукавой ухмылкой. — Будем растить детей и держать кур?

— А может растить кур и держать детей? — Я не знаю, почему сказал это. Просто на какой-то момент захотелось подшутиться и улыбнуться чему-то глупому.

Лана звонко рассмеялась. Словно ей было всё равно, что я ляпну.

— Тихое место, свежий воздух, никаких политических интриг и друидов, — девушка сделала вид, что задумалась, а затем мотнула головой. — По-моему, это уже не для нас.

— Это точно, — я улыбнулся.

— Ты уверен, что хочешь уйти прямо сейчас? — Лана посмотрела на меня со смесью нежности, лукавства и обещания, от которого все планы, корабли, друиды и турниры разом показались далёкими и совершенно не важными.

Она была права — время течёт слишком быстро.

Я улыбнулся и потянулся к ней.

— Иди сюда, пантера.

Глава 5

Барут стоял по колено в неприятностях.

В буквальном смысле.

Фукис сидел в широкой каменной чаше городского водопоя — корыте, врезанном в стену у перекрёстка, куда по трубе стекала вода из верхнего акведука.

Зверёк погрузился по самую грудку, блаженно прикрыл огромные глаза и мелко подрагивал всем телом, издавая тихое урчание. Мокрая синяя шёрстка потемнела и прилипла к маленькому тельцу — Фукис стал похож на комок пряжи.

— Вылезай, — сказал Барут.

Фукис не шевельнулся.

— Вылезай, кому говорю.

Зверёк приоткрыл один глаз, посмотрел на хозяина с выражением абсолютного блаженства и погрузился глубже. Вода дошла ему до подбородка.

— Ну отлично. Просто отлично. — Барут развёл руками. — Видишь? Вот это я и имел в виду. Стоит ему учуять воду — всё, разговор окончен. Хоть на голове стой. Бесполезно.

Я сидел на каменной скамье через дорогу, привалившись спиной к нагретой стене. Утро выдалось ленивым и безветренным. Лана осталась с Никой — девушке немного нездоровилось, и пантера вызвалась приглядеть за ней.

Мика должен был вскоре подойти по моей просьбе — как только удостоверится, что жизни сестры ничего не угрожает. Редкие горожане проходили мимо, бросая на нас равнодушные взгляды. За углом на петлях поскрипывала вывеска таверны.

День затишья перед бурей. Первые бои финала назначены на сегодня, мои — на завтра. Затем третий день схваток. Четвёртый изначально планировался как день отдыха, но именно тогда должны были состояться гонки Фукисов. А потом, на пятый день — финальные битвы, где последнюю назначили на поздний вечер. Организаторы явно готовили для публики нечто грандиозное, раз так важно было провести решающую схватку именно с наступлением темноты.

— Сколько раз пробовал его вытаскивать?

— Да раз двадцать! — Барут сердито потёр переносицу.

Фукис тем временем перевернулся на спину и раскинул маленькие лапки. Вода плескалась вокруг его тельца. Зверёк блаженно вздохнул.

— И как с этим на гонки выходить? — Барут присел на корточки рядом с водопоем. — Там будет вода. Специально. Фукисы не смогут пройти мимо. Часть испытания: зверь должен выбрать хозяина, а не слабость, так? А мой выберет любую канаву.

Я не выдержал и расхохотался. Несмотря на ставки, негодование торговца выглядело весело.

— Ты пробовал его звать?

— Звать? В смысле? Голосом? Ты же видел.

— Нет, по имени.

Барут замолчал. Его пальцы, секунду назад нетерпеливо постукивавшие по каменному бортику, замерли.

— У него нет имени.

— Как — нет?

— Нет. Не давал.

Барут отвернулся от водопоя и уставился на стену напротив. На стене не было ничего, кроме чьей-то кривой надписи углём.

— Барут.

— Ну чего!

— Почему? Я, конечно, слышал, что ты зовёшь его Фукис... Но думал — это привычка. Барут коротко хмыкнул.

— Потому что я торговец, Макс. Покупаю зверей, продаю зверей. Моя работа. Знаешь, что бывает, когда даёшь имя тому, кого собираешься продать? — Он посмотрел на меня, и под привычной весёлостью мелькнуло кое-что настоящее. — Бывает больно. Я научился не давать имён. Проще так.

— Проще — не значит правильно. И ты ведь не продаёшь фукиса.

— Ой, начинается. — Барут закатил глаза. — Сейчас начнёшь говорить мне о связи зверолова и питомца, да? О доверии, привязанности и прочей душевной красоте?

— Не без этого. Просто факт: зверь без имени — зверь без якоря. У него нет причины возвращаться к тебе. Ты для него — тёплые руки и еда. А вода — блаженство, удовольствие и целый мир ощущений. Конечно, он выберет воду. Ты ему ничего не противопоставил!

Барут замолчал, глядя на Фукиса. Зверёк перестал плескаться и просто лежал в чаше, уткнувшись мордочкой в стиг собственной лапки. Крошечный, мокрый и довольный.

— Я боюсь привязываться, — сказал Барут без ужимок. — Привяжешься — и потом режешь по живому. Очень много зверей прошло через мои руки. Каждого помню. Каждую морду, каждую повадку, каждый дурацкий звук по утрам. А они меня — нет. Потому что для них я был перевалочным пунктом.

— Этого ты не продашь. Фукис — твой. Навсегда. Ты ведь это знаешь.

— Давай вспомним про Афины, — горько сказал торговец. — Путь нашей группы полон дерьма, Макс. И если с ним что-то случится...

— Уже случилось. Лана, Красавчик, я и все остальные, включая тебя. Вспомни, что мы сделали, ради этого маленького комка меха. Не обманывай хотя бы самого себя. Он твой друг без имени, и это нужно исправить. Именно ваша связь приведёт его к тебе. Ваша! Не его! Отнесись к моим словам серьёзно.

Барут долго смотрел на зверька. Потом медленно вытянул руку и коснулся мокрой синей шёрстки кончиками пальцев. Фукис дёрнул ухом, но не отстранился.

— Шорох, — тихо сказал Барут.

Зверёк приоткрыл один глаз.

— Его зовут Шорох. — Увереннее. — Потому что он вечно шуршит. За пазухой шуршит, в кровати шуршит, жрёт — и то шуршит. Три месяца я не мог нормально спать, потому что эта синяя зараза устраивалась мне под бок и скребла шерстью по одеялу до самого рассвета.

Уголок его рта дёрнулся вверх.

— Да и в Оплоте Ветров вон сколько шороху навёл, да? — я подошёл к другу и хлопнул его по плечу. — Хорошее имя, Барут, потому что дал его как есть на душе. Теперь позови.

Парень выпрямился, отступил на три шага от водоёма и присел на корточки. Вытянул руку ладонью вверх.

— Шорох. Иди сюда.

Фукис поднял голову. Большие глаза, всё ещё мутные от водяного опьянения, медленно сфокусировались на хозяине. Зверёк моргнул раз, другой. Повернул мордочку к воде, в которой до этого лежал. Обратно к Баруту. Снова к воде.

Тишина растянулась на добрых пять секунд.

Рука торговца заметно дрогнула.

Шорох неуклюже перевалился через край чаши. Мокрые лапки шлёпнули по камню мостовой, зверёк пошатнулся — будто матрас после долгого плавания.

— ХА-ха-ха-ха-ха! — мы просто не выдержали. Картина была до того нелепой, что сдерживать смех было невозможно.

Фукис оскорбился в лучших традициях и потянулся обратно к своей чаше.

— Нет-нет, ха-ха, Шорох, иди ко мне! — выдавил Барут сквозь слёзы смеха.

Зверёк замер и снова повернулся к хозяину.

Шаг. Ещё один — неуверенный, кривоватый. Остановился и тоскливо оглянулся на оставленную воду. По маленькому мокрому тельцу прошла дрожь.

Не развернулся.

Доковылял до Барута и ткнулся мокрой мордой ему в ладонь. Тот сгрёб зверька обеими руками и прижал к груди. Шорох уткнулся ему в шею и затих.

— Ну вот. — сказал парень. — Вот и славно, мелкий. Вот и славно.

Дал им несколько секунд, потом спросил.

— Можно? Отдай мне его на пару секунд.

Барут кивнул, не выпуская Шороха.

Я протянул ладонь и коснулся зверька.

Нити связи дрогнули и потянулись ко мне.

Тонкие, почти невидимые линии, по которым текла информация о звере — его сила и способности. Я уже делал это раньше, когда Барут впервые показал мне Фукиса. Тогда зверёк был слабым, неразвитым.

Сейчас...

Мои глаза невольно расширились от неожиданности.

Что за чертовщина?!

Внимание!*Получено опыта: 100000*

Внимание!*Получен уровень 40.*

Внимание!*Доступна эволюция Зверолова.*

Обнаружены поглощённые эссенции насекомоподобных.

Предупреждение!*Раскрыт потенциал высшей формы. Форма:Зверомор.*

Требуется:*поглощение ядовитого катализатора.*

Требуется:*ВСЕ очки характеристик должны быть распределены.*

Строки продолжали мелькать — требования к зверям, пороговые значения силы, ловкости, потока. Я не успевал читать — система выбрасывала данные быстрее, чем голова могла их переварить.

Что за...

Форма, которую я уже принял. Но раньше система не выдавала ничего подобного! Раньше эволюция требовала ритуала и небольших условий, а здесь нужно идти ва-банк...

— Ну что? — Барут смотрел настороженно. — Всё нормально с ним?

— Всё отлично. — Ровный голос, ничего лишнего. — Здоровый зверь. Развивается как положено.

Барут кивнул. Шорох зевнул, показав крошечные зубки, и уткнулся носом хозяину подмышку.

Я отвернулся к стене, якобы разглядывая улицу. Сердце било в рёбра так, что удары отдавались в горле.

Такого количества опыта за приручение я не получал никогда!

Шорох был не тем, за кого его принимали. Разве бывает такая... "стихия"?

Не удивительно, что торговец так зарабатывает!

Нет, Барут не должен знать. Пока — не должен. Узнает, что держит на руках... Расслабится, потеряет фокус, начнёт относиться к зверьку иначе. А Шорох сейчас меньше всего нуждается в особом обращении. Ему нужен хозяин, который любит его просто так, а не за то, чем он является.

— Ты справишься, — сказал я, обернувшись. — Главное — не отпускай его. Во всех смыслах.

Барут усмехнулся, почёсывая Шороха за ухом.

— Расскажи мне про гонки. — Я сел обратно на скамью и резко сменил тему. — Что там вообще происходит?

Фукис устроился у торговца на плече и принялся подсыхать на утреннем солнце. Синяя шёрстка постепенно светлела.

— Гонки фукисов... — Барут присел на бортик водопоя. — Полоса препятствий, построенная на слабостях вида. Каждый фукис обожает воду — значит, на трассе будут водяные ловушки. Ручьи, фонтанчики, целые корытца с чистой ключевой водой. Тут уж что придумают, точно не узнать. Зверь должен пройти мимо.

— Звучит несложно.

— Для тебя — несложно. А для фукиса вода — это как... — Барут пощёлкал пальцами, подбирая слово. — Как эль для пьяницы. Они физически не могут пройти мимо. Инстинкт сильнее воли. Сам же знаешь.

— Что ещё?

— Ну, дальше идут «норы». Такое же пристрастие, особенно если после воды — контроля никакого! На трассе делают дырки разного размера. Зверь видит дырку — и всё, его тянет как магнитом. Уменьшится или увеличится, залезет и сидит. А иногда как бешеные летают по ним туда-сюда.

Картинка всплыла сама собой, и я невольно хмыкнул.

— Последнее — мясо. Фукисы с виду милые зверюшки, но жрут как голодные волки. Куски мяса могут быть где угодно. Чуть что — сядет жрать посреди трассы.

— Три слабости.

— Именно. Побеждает тот фукис, который быстрее пройдёт трассу. — Барут помолчал, почесал Шороха под подбородком. — Звучит как сказка, да? Милые зверюшки бегают по дорожке, публика хлопает, дети визжат от восторга.

— А на деле?

— На деле — фукисы редкие зверьки и их гонки тоже редки. Ставки такие, что за первое место можно купить твою ферму. — Улыбка пропала. — Каждый, кто выставляет своего фукиса, рискует репутацией. Проигрыш означает, что твой зверь слаб.

— А мы поставили на кон вообще всё. Да уж, смешная гонка с серьёзными ставками, — задумчиво протянул я. — Похоже тебе придётся очень хорошо звать Шороха. Потратить эти дни на тренировки, Барут.

Фукис на его плече тихо заурчал. Барут машинально провёл ладонью по спинке питомца.

По улице прошла женщина с корзиной зелени, покосилась на мокрого зверька и ускорила шаг.

— Макс. — сказал вдруг Барут серьёзно. — Мне нужна невидимая смерть.

— Что?

— Гранаты.

Я посмотрел на него. Торговец спокойно встретил мой взгляд.

— Зачем?

— Нужны.

— Это не ответ.

— Единственный, который у меня есть.

Я прищурился.

— Ты не собираешься использовать их на гонке?

Барут посмотрел на меня как на больного.

— На гонке фукисов? Невидимую смерть? Макс, ты серьёзно? Я что, похож на такого человека?

— Тогда зачем?

— Не могу сказать.

— Не можешь или не хочешь?

— Не хочу. — В голосе лязгнула незнакомая нотка. — Макс, я прошу. Мне нужно, и я не могу объяснить зачем. Ты мне либо веришь, либо нет.

Шорох на плече Барута наострил ушки и переводил взгляд с хозяина на меня.

— Барут, мы в городе, набитом людьми. Гранаты — не игрушки. Если ты натворишь дел...

— Не натворю.

— Ты так думаешь. А потом мне объяснять Арию, почему мой человек разнёс кусок Оплота Ветров. При нашей политической ситуации за это голову снимут. Буквально.

— Я знаю про ситуацию. — Барут выдержал мой взгляд. — Именно поэтому прошу, а не беру тайком. Ты мне доверяешь? — Просто вопрос — честный, без нажима. — Или только своей стае?

Я смотрел на него несколько секунд.

— Ты можешь просто объяснить и будет проще.

— Не могу, — торговец упёрся и мотнул головой. — Могу сказать, что они не будут использованы во вред. А возможно и вовсе.

— Передам Стёпке, чтобы выдал тебе пять штук. Не больше. И если хоть одна взорвётся не там, где нужно...

— Не взорвётся. — Барут улыбнулся. — Спасибо, Макс.

Мика появился через четверть часа, в течение которых Шорох всю боролся с желанием нализаться как последний забулдыга.

Парень шёл по улице лёгким пружинистым шагом. Из сумки торчала зелёная голова Тины — жаба сидела неподвижно с выпученными огромными глазами и флегматично оглядывала мир.

Чуть отставая, рядом трусил Шовчик.

— О, тебя-то мы и ждём, — я махнул рукой. — Как раз вовремя. Как сестра?

— Нормально, — счастливо кивнул лекарь. — Они с Ланой пошли прогуляться.

— Глянешь зверька?

— Для того и пришёл. — Мика присел рядом с торговцем и аккуратно опустил сумку на камень. — Как тренировка?

— Я бы назвал это воспитательной работой. — Барут снял зверька с плеча и посадил на колено. — Знакомься. С сегодняшнего дня его зовут Шорох.

— Имя дал? — Мика поднял брови и коротко взглянул на меня. Я кивнул. Лекарь улыбнулся. — Поздравляю. Давай его сюда.

Зверёк пискнул, но не дёрнулся. Пальцы лекаря прошлись по тельцу — вдоль хребта, по рёбрам, за ушами, под подбородком. Молча, сосредоточенно, Мика работал — в эти секунды мальчишеское лицо становилось старше. Привыкнув к чужим ладоням, Шорох расслабился, обмяк и свесил лапки.

— Шёрстка хорошая, — Мика приподнял зверьку веко, заглянул в глаз. — Ясный взгляд, нос холодный. Дыхание ровное... Со своей стороны — ничего плохого не вижу. Точнее, не чувствую.

— Ну и славно. — Барут забрал Шороха.

Пока они разговаривали, я прокручивал в голове строки системы.

Ядовитый катализатор. Буквально — взять и съесть. И у меня был такой. Плотная железа янтарно-оранжевого цвета, взятая мною с паука в зеркальном лабиринте. Я нашёл её, когда мы с Ланой вытаскивали Стёпку из того кокона.

Яд внутрь? Всегда думал, что он потребуется какому-то зверю, а не мне! Звучит как план самоубийцы.

Главный вопрос: сроки! Если катализатор выбьет меня из строя хотя бы на сутки — всё полетит к чёрту.

Арий и Иван ждут момента, когда соберётся вся «Семёрка». Если в этот момент я буду валяться с судорогами и лихорадкой, корчась от яда, который сам же проглотил...

С другой стороны — Зверомор. Высшая форма трансформации. Против Морана и остальных друидов это может стать решающим преимуществом. Разница между «едва выжил» и «вытащил всех».

Риск против выгоды. Классика.

Обдумаю это чуть позже.

Шов подошёл к водопою, понюхал край чаши и коротко фыркнул. Потом заметил фукиса на коленях у Барута и склонил массивную голову набок.

Тина тем временем неожиданно выбралась из сумки.

Жаба тяжело шлёпнулась на камень мостовой и неспешно поковыляла к волкодаву, раздувая бока. Пёс опустил морду, обнюхал зелёную гостью, вильнул хвостом и лизнул Тину. Та лишь медленно и величаво моргнула, будто так и должно было случиться.

— Фуууу! — Барут скривился так, будто это его обслюнявили. — Это что вообще сейчас было?

Шовчик не разделял отвращения торговца. Довольно мотнул головой и лизнул жабу от пуза до макушки ещё раз. Тину снесло на полшага.

Мика расхохотался, запрокинув голову.

— Они так каждый раз, — сквозь смех выдавил лекарь. — Тина к нему липнет. Вчера заснула у него на спине.

Барут покачал головой.

— Ты чем кормишь свою жабу? Только магией? Или духами брызгаешь?

— Слушай, да она всё ест. — Мика почесал Тину за ушным бугорком. — Полезная. Мясо в особенности любит.

— А продать не думал? — Барут спросил машинально, по привычке, и тут же осёкся. — Нет, забудь. Глупый вопрос.

— Очень глупый, — согласился Мика без обиды. — Это как спросить, не хочу ли я продать руку. Я очень к ней привык, ещё с приюта.

Барут хмыкнул и задумчиво погладил Шороха по спинке.

— Знаешь, что самое тяжёлое в торговле зверями? — сказал он после паузы. — Момент передачи. Первым моим зверем стал мелкий синехвост, ничего особенного. Купил задёшево, выходил, подлечил крыло и продал с наценкой. Хорошая сделка. Чистая прибыль — двадцать серебряков. А потом три ночи не мог заснуть.

Шорох на его колене тихо засопел. Тина доковыляла обратно к сумке и принялась влезать внутрь, неуклюже загребая задними лапами. Волкодав наблюдал за ней с выражением молчаливой поддержки.

— Я вот что скажу, — Мика наклонился вперёд и упёрся локтями в колени. — Тебе не нужно выбирать между торговлей и привязанностью. Можно заботиться о зверях, которых продаёшь, и при этом любить их. Одно другому не мешает.

— Легко говорить, когда тебе не приходилось отдавать, — Барут покосился на лекаря.

— Мне приходилось. — Голос Мики стал тише. — Но по-другому. Я лекарь, Барут. Иногда ты лечишь зверя неделями, вкладываешь в него всё, что умеешь — а потом он всё равно умирает. И ты идёшь к следующему. Это что, значит, что предыдущий не имел значения? Что ты зря его любил или жалел?

Барут долго молчал. Потом посмотрел на Мику.

— Ладно, лекарь. Ты выиграл.

Парнишка улыбнулся, поднялся и закинул сумку на плечо.

— Увидимся вечером, — сказал Мика. — Удачи с тренировкой. Макс, пока, у меня ещё дела. Барут, Фукис справится, я уверен!

Лекарь даже не знал, насколько был прав.

— Хороший парень.

— Да, — согласился я.

— Нет, я серьёзно. — торговец прищурился, глядя вслед удаляющейся фигуре. — Из него может выйти хороший зверолов.

— Или целитель, — сказал я.

Барут хмыкнул и покачал головой.

— Или и то и другое. — Задумчиво глядя на спящего фукиса, торговец помолчал. — Знаешь что? Мне кажется, этот парень ещё всех нас удивит.

Глава 6

На рынке Оплота Ветров было не протолкнуться.

Ника никогда не видела столько людей в одном месте.

Торговые ряды растекались от южных ворот до портовой стены — бесконечная река палаток, навесов, лотков и расстеленных прямо на камнях мостовой пёстрых одеял с товаром.

Запахи наслаивались друг на друга. Жареное мясо на вертелах, пряности из распахнутых мешков, мокрая шерсть зверей из клеток, свежевыведанная кожа, дёготь, пот и цветочная вода, которой торговли щедро поливали прилавки, тщетно пытаюсь перебить вонь.

Девушка шла и крутила головой так азартно, что Лана дважды перехватила её за локоть — иначе Ника врезалась бы в прилавок с ножами.

— Смотри под ноги, — сказала пантера. — Здесь не ваши бедные районы.

— Смотрю же! — Ника ловко увернулась от тележки с бочками и тут же замерла у клетки с крошечными огненными ящерками. Зверьки металась внутри, высекая искры из железных прутьев. — Лана, глянь! У них хвосты светятся!

— Вижу. Пошли.

— Но они же прекрасные!

— Пошли.

Ника нехотя оторвалась от клетки и поспешила догнать оборотня.

Лана скользила сквозь толпу — люди расступались, сами не понимая почему.

Ника такого эффекта не производила — её толкали, задевали локтями и наступали на ноги. Она не сердилась. Слишком много чудес вокруг, чтобы тратить время на обиды.

В последние дни мир для неё стал ярче. С утра было хуже, но потом всё опять прошло.

После зелий, которые Мика давал каждое утро, чёрные вены на шее и запястьях всегда отступали — прятались глубже под кожу. Ника стала меньше уставать, реже кружилась голова, вернулся аппетит. Мир перестал казаться картиной за запотевшим стеклом.

И сейчас этот мир был огромным, шумным, пахучим и безмерно интересным.

— Хочу туда, — Ника указала в сторону оружейного ряда, где кузнец раскладывал на чёрной ткани метательные ножи с костяными рукоятками.

— Зачем тебе ножи?

— Пока не знаю, но придумаем же?

Лана фыркнула, но свернула к оружейнику. Склонившись над прилавком и рассматривая узорчатые клинки, Ника услышала знакомый голос, прорезавший рыночный гул.

— Четыре куска, и чтобы свежие. Не вчерашние, я чувствую разницу.

Девушка подняла голову.

В трёх шагах от неё, у мясного лотка, стоял Раннер.

Золотая туника, небрежно расстёгнутая у горла. Светлые волосы, слегка растрёпанные ветром. Широкая привычная улыбка, от которой торговец мясом заметно нервничал и суетился.

Заворачивая куски в промасленную бумагу, продавец то и дело поглядывал на знаменитого покупателя. На запястьях Раннера Ника разглядела мелкие шрамы. Руки человека, который всю жизнь работал с когтями и клыками.

Ладони вспотели, и дыхание на секунду сбилось.

Ника видела его на арене уже много раз. В самый первый — издали, с трибуны, когда он вышел под рёв толпы и поднял руку в приветствии. Потом ещё и ещё...

Девушка помнила, как он не убил зверя — отпустил.

Эта деталь застряла в памяти.

— Лана, — хватая пантеру за рукав, прошептала Ника. — Это же Раннер. Вон там, у мясника.

— Вижу, — ответила Лана ровным голосом. — И что?

— Ничего. Просто... это же Раннер.

— Повторяешься.

Щёки вспыхнули жаром. Ника одёрнула воротник, убедилась, что ткань закрывает шею до самого подбородка, и выпрямилась. Ладони вспотели. Какая глупость.

Раннер забрал свёрток с мясом, сунул торговцу монету и обернулся. Его взгляд рассеянно скользнул по толпе и на мгновение задержался на Нике.

Улыбка не изменилась. Та же лёгкая, обаятельная, привычная улыбка, которую знал весь Оплот Ветров.

— О, — сказал он, — какие тут дамы.

— Раннер, — сухо кивнула Лана.

— Да-да, тот самый Раннер, — позёр склонил голову, и светлая прядь упала на лоб. — Скучали?

— Ага, — выдохнула Ника и тут же мысленно ударила себя по лбу. Голос прозвучал слишком восторженно. Лана покосилась на неё с укором.

— Как там Ядозуб? — Раннер приподнял бровь, и улыбка стала шире. — Ещё помнит, что должен мне?

Ника негромко рассмеялась — искренне и непринуждённо, будто боец сказал что-то смешное.

Раннер посмотрел на неё внимательнее, и на долю секунды ей показалось, что за привычной улыбкой мелькнуло что-то настоящее. Любопытство?

— Мясо для Инферно? — кивнув на свёрток в его руке, спросила Ника.

— Для него, родимого. — Раннер подбросил свёрток и ловко поймал. — Лев жрёт как целый отряд. Четыре куса — это только на утро. К вечеру снова придётся тащиться на рынок.

— Он великолепен, — сказала Ника. — Инферно. Я видела его на арене. Грива пылает так... словно костёр в ночи.

Вдруг Раннер совсем ненадолго замер — меньше секунды. Улыбка не дрогнула ни на йоту, но что-то в глазах изменилось.

— Да, — сказал он. — Великолепен.

Порыв ветра дёрнул ворот рубашки, и ткань на миг отошла от шеи. Ника машинально прижала её обратно, но Раннер уже разглядел.

Чёрные вены.

Улыбка исчезла.

Она даже не сползла — резко пропала, словно сдёрнутая маска. Лицо Раннера стало иным. Обнажённым, открытым, и в нём проступило то, чего Ника никогда не видела у весёлого позёра с арены.

Боль человека, который это уже видел, но так и не пережил до конца.

Раннер шагнул ближе. Без улыбки он выглядел на десять лет старше. Ника невольно отступила на полшага, не понимая, что произошло.

— Знаешь, девочка, — сказал Раннер тихо. Голос стал низким, хриплым, будто слова протискивались сквозь что-то, что давно мешало дышать. — Ты удивительно смеёшься. Твой смех слишком напоминает мне одну мою старую знакомую. Она так же смеялась. И так же болела. Поразительно, как жесток бывает мир. Или он даёт мне какие-то знаки?

Наступила короткая, тяжёлая пауза.

— Убирайтесь отсюда, — сказал он. — Обе.

— Что? — Лана качнулась вперёд, и в её голосе зазвенела сталь. — Ты не слишком много на себя берёшь?

— Я сказал — убирайтесь! — Раннер уже отходил, перехватив свёрток с мясом. Лицо снова закрылось и стало непроницаемым, как каменная стена. — Больше не попадайтесь мне на глаза.

— Если ты думаешь, что...

— Лана, — Ника тронула пантеру за руку. — Оставь его.

Позёр развернулся и зашагал прочь. Золотая туника мелькнула между палатками и растворилась.

Ника стояла посреди рыночного потока и смотрела ему вслед. Люди обтекали её — кто-то задел плечом, кто-то выругался сквозь зубы. Она не слышала.

В груди стало как-то пусто и холодно.

— Пойдём, — Лана мягко взяла её за плечо. — Не стоит здесь торчать.

— Я ему кого-то напомнила, — тихо сказала Ника. Голос не дрогнул, но губы сжались в тонкую линию. — Кого-то дорогого. Или... кого-то, кого он потерял. Ты видела его лицо? Он увидел мои вены и...

Она замолчала. Пальцы судорожно прижали ворот к шее.

— Он не стоит того, чтобы из-за него расстраиваться, — сказала Лана. В голосе пантеры слышалось только ровное, спокойное тепло. — Послушай меня внимательно. Человек, который позволяет себе подобное, не заслуживает ни одной твоей мысли. Какая бы боль за этим ни стояла.

— Возможно. — Ника опустила глаза. — Просто... на арене он казался совсем другим.

— На арене все другие. — Лана убрала прядь с её лица. — Арена — это маска, Ника. Вот и его маска упала.

Ника медленно кивнула.

Они двинулись дальше по рынку, и Лана больше не отпускала её локоть. Ника молчала, машинально разглядывая прилавки, но яркость мира потускнела — будто кто-то протёр стекло, через которое она смотрела, и оно снова стало мутным.

Крошечные огненные ящерки в клетке у южного ряда всё так же метались и высекали искры. Ника прошла мимо, не обернувшись.

Они много времени провели в городе — Ника хотела проветриться и посмотреть на богатые кварталы Оплота Ветров. Почувствовать себя живой и обычной.

Поэтому возвращались домой к вечеру.

И тут же пожалели, что задержались. Потому что на подходе к дому услышали крик.

Женский резкий голос, разрывал вечернюю тишину так, будто кричали разъярённые торговки на рынке. Слова тонули в общем гуле, но интонация била в уши без пощады — кто-то в их доме устроил скандал на всю улицу.

Соседи уже выглядели из окон, а Шов завыл в ответ на женские вопли.

Лана ускорила шаг, её сапоги застучали по булыжникам. Ника побежала следом. Воздух у дома был насыщен взаимным недопониманием.

Дверь распахнута настежь, словно кто-то пнул её ногой и забыл закрыть. Из проёма вырывались два голоса, сплетённые в тугой узел взаимного бешенства, каждый пытался перекрыть другого.

— ...зря сюда притащилась! — жёсткий голос Макса. — Здесь опасно, я тебе сто раз говорил! Ты что себе удумала?! Я думал, мы всё прояснили!

— Прояснили! — женский голос врезался в ответ. — Да твои прояснения похожи на кучу, которую твои звери в лесу каждый день гадят! Потому что чушь! «Опасно, страшно, я справлюсь, переживаю за вас»! Ты, значит так справляешься, чёртов малец?! Одна малявка дохнет от болезни, какой-то старый вонючий волк появился, политики эти, черт бы им в сраку, вылезли. Справляется он!

— Именно! — в голосе Макса зазвучали нотки отчаяния. — Потому что всё гораздо серьезней! Ирма, ты — травница, а не боец! Что ты тут будешь делать?!

— А что я там буду делать?! — голос старухи взвился до предела. — Сидеть на этой ферме, как на горшке и ждать, пока мне птичка весточку принесёт о том, что ты погиб?! Что единственный внук сдох где-то в канаве?!

Лана перешагнула порог первой. Ника протиснулась следом и замерла, впившись пальцами в дверной косяк.

Посреди кухни стоял Макс — руки скрещены на груди, скулы сжаты до белизны, на шее вздулась жила. Волосы взъерошены, будто он провёл по ним рукой десятки раз.

Напротив него, уперев кулаки в худые бока, стояла невысокая сухая старуха с седыми волосами, стянутыми в тугий узел на затылке. Несколько прядей выбились из причёски и торчали в разные стороны, придавая ей вид рассерженной наседки.

Тёмные маленькие глаза буравили Макса с такой силой, что Ника невольно попятилась. В них плескалась такая ярость, что воздух между бабкой и внуком почти искрил.

Ирма.

Ника так и не успела познакомиться с ней поближе, но Стёпка рассказывал. «Вредная она и упрямая как каменный ворчун, — говорил копейщик с нервным смешком, потирая затылок. — Единственный человек, которого Макс не может переспорить. Как-то на рынке такой дебош устроила из-за тухлой капусты, что торговцы в обморок попадали.»

— Я приехала и остаюсь! — Ирма ткнула скрюченным пальцем Максу в грудь, и парень от неожиданности шагнул назад. — И попробуй мне ещё раз сказать «уезжай» — я тебе такой отвар сварю, что неделю из нужника не вылезешь! А потом ещё неделю кишки наизнанку выворачивать будешь!

— Это угроза? — голос Максима внезапно стал спокойным. Он почему-то даже улыбнулся.

— Это обещание, мальчишка! — рявкнула Ирма. — Я тебя в пелёнках видела, так что не строй из себя грозного зверолова! Я-то помню, как ты рыдал в пять лет, когда отец рыбке голову отрезал. Ишь какой! Обзавёлся всякими тварями и решил, что может тут всеми командовать!

Максим замолчал — лишь дышал как буйвол.

Между ними втиснулся Старик.

Росомаха выскочила откуда-то из-под стола — шерсть на загривке встала дыбом. Похоже ему не понравилось последнее высказывание о питомцах.

Маленькие злые глазки сверкали в полумраке кухни, как два горящих уголька.

Зверь встал между хозяином и старухой, оскалил жёлтые зубы и зашипел.

Запах мускуса и дикости ударил в нос. Когти решительно стукнули по камню. От Старика исходило ощущение сдерживаемого насилия, готового вырваться наружу.

Лана инстинктивно прикрыла Нику рукой, в то время как спину девушки обдало холодом. Все знали, на что способен этот дедуля.

Ирма оценивающе посмотрела на росомаху сверху вниз, словно рассматривала особенно надоедливую муху.

— А ты куда лезешь, блохастый?

Старик зашипел громче. Весь его облик кричал о готовности к бою.

— Не лезь, — встрял Макс, — Ирма, он просто...

— Помолчи! Дай-ка старикам поговорить! — рявкнула старуха и посмотрела на росомаху. — А ты что на меня зыркаешь, зверюга?

Старик замер посреди кухни. Его ноздри раздулись — зверь втягивал запах незнакомой старухи, которая стояла в двух шагах и не боялась. Ни дрожи в голосе, ни учащённого дыхания, ни пота страха на коже.

Росомаха чуяла страх так же легко, как человек чует дым от костра, и обычно это было первое, что он ощущал от любого нового существа. Страх пропитывал воздух, превращал людей в дрожащие источники адреналина и предсказуемых реакций.

А сейчас от этой женщины не шло ничего. Будто перед ним стоял камень, а не живое существо. Словно она просто не считала его достойным внимания и не видела в нём угрозы!

Это его озадачило. И разозлило.

Ирма наклонилась к зверю и ткнула в его сторону. Морщинистый палец остановился в ладони от влажного чёрного носа росомахи — настолько близко, что зверь мог бы перекусить его одним движением.

— На меня не шипи. Я на своём веку таких как ты повидала — и покрупнее были и позубастее. — Её глаза сузились. В них мелькнуло что-то такое, что даже бесстрашного Старика заставило на миг застыть. — А потом жрали с моих рук как миленькие.

В воздухе повисло напряжение.

Старик почувствовал, как где-то в глубине звериного сознания зашевелилось неприятное подозрение. Эта старуха пахла не просто травами и дымом. От неё тянуло чем-то более глубоким — запахом стальной воли и несгибаемости.

Но росомаха не оценил монолог. Он был королём и никто — особенно какая-то сморщенная двуногая — не смел ему указывать.

Зверь сделал шаг вперёд, припал к полу, втянул голову в плечи и зарычал.

Ирма не отступила.

Тёмные глаза бабки встретились с маленькими злыми глазками росомахи. Два упрямства молча столкнулись лбами — как два валуна, скатившиеся навстречу друг другу по горной тропе.

В этой близости Старик мог рассмотреть каждую морщинку на её лице. А она могла видеть каждый жёлтый клык в пасти.

— Какого хрена, — вырвалось у Барута.

Несколько секунд никто не дышал. Время словно остановилось.

Мика застыл на полушаге к двери, рука его замерла на дверной ручке. Даже Вальнор приподнял бровь — явление настолько редкое, что Стёпа от удивления приоткрыл рот и забыл закрыть его обратно.

Все стали молчаливыми свидетелями дуэли двух стариков.

— Я сказала — не шипи, — негромко произнесла Ирма. — Я злее, понял? И мне плевать, сколько у тебя зубов.

Старик заворчал. Его губы дёрнулись, обнажив клыки до самых дёсен.

Из рта потекла слюна — густая нить, которая медленно тянулась к полу. Из горла полез звук — первобытное предупреждение из тех, что в дикой природе означают «следующий звук будет последним, который ты услышишь».

Но Ника, на удивление, была спокойна. Потому что спокоен был Макс, ведь он...

Даже улыбался!

А вот росомаха была сбита с толку, и было видно, как это бесит её больше всего.

Каждый, на которого Старик рычал, делал одно из двух — отступал или нападал. Эта старуха не делала ни того ни другого.

Она просто стояла и смотрела ему в глаза. Бабка была чем-то незнакомым. Может быть, поэтому от неё не пахло страхом.

Это бесило его ещё больше.

Ирма не моргала. Стояла неподвижно, как скала у моря.

— Так! — Макс шагнул вперёд. — Хватит, отойди от него!

— Не лезь! — бабка отмахнулась, не поворачивая головы, и не сводила глаз с росомахи. Её рука прошла так близко к морде зверя, что тот мог бы схватить её зубами. — Зверь —

он и есть зверь. Мне не нужно с ним знакомиться, чтобы понять, кто передо мной. Обычный упрямец, который привык, что все его боятся.

— Он может откусить тебе голову, старая ты упёртая...

— Пусть попробует!

Старик дёрнул ухом. Потом вторым. Маленькие злые глазки на мгновение утратили свирепость — мелькнуло замешательство, почти комичное на морде такого грозного зверя. Но тут же пропало — росوماха решил проблему единственным известным ему способом. Когда слова не помогают, остаются действия. Оскалился заново, ещё шире, ещё злее, и тяжело шлёпнул лапой по полу.

Камень треснул под когтями со звуком, похожим на выстрел из арбалета. Осколки разлетелись во все стороны, один из них звякнул о ножку стола.

— Ох ты ж какой! — Ирма выпрямилась и уперла руки в бока. — Я тебя первый раз вижу, а ты уже полы портишь?! В чужом доме?! — её голос поднялся до новых высот.

Старик в ответ демонстративно провёл когтями по камню. Царапина получилась глубокой и ровной.

Послание было ясным: «Я делаю, что хочу.»

— Макс! — рявкнула Ирма, разворачиваясь к внуку. — Твой зверь — хам и невежа! Ты его что, вообще не воспитывал?!

— Как он будет слушать, когда кто-то лезет ему в морду, а мне говорит не лезть! Нормальные люди сначала дают зверю привыкнуть и освоиться!

— Нормальные люди не держат таких зверей снаружи, когда гости приходят!

— Ты не гость! — голос Макса взлетел. — Ты чёртов ураган!

— Это ты сейчас меня с ураганом сравнил?!

— Ох уж извините, не то сказал, точно! Ураган бы проиграл!

Старик вдруг перестал рычать и с интересом уставился на хозяина — будто прикидывал, на чью сторону встать. Голова его поворачивалась от бабки к внуку и обратно.

— Ну знаешь что?! — Ирма развернулась к Максиму, и на секунду показалось, что старуха сейчас зашипит не хуже росوماхи. Руки сжались в кулаки.

Дедуля, почуяв, что внимание старухи переключилось на хозяина, воспользовался моментом. Поднялся с пола, встряхнулся и с подчёркнутым достоинством прошёл мимо Ирмы. Так близко, что его жёсткая шерсть мазнула по её юбке, оставив несколько длинных волосков на тёмной ткани.

Жест был настолько по-хамски королевским, что Мика за столом издал сдавленный звук и закрыл лицо руками. Зверь демонстративно проигнорировал продолжающуюся ссору, словно она была недостойна его внимания.

Дойдя до угла под окном, Старик развернулся, улёгся и положил морду на лапы. Затем уставился на бабу: «Это моё место. Привыкай.»

Ирма проводила росوماху взглядом.

— Мы ещё не закончили, блохастый!

Между старухой и зверем повисла невидимая нить взаимной настороженности.

Стёпа у стены закусил кулак — его плечи мелко подрагивали от сдерживаемого смеха.

Картина была слишком нелепой. Мика спрятал лицо в ладонях, но тряска плеч выдавала его с головой. Вальнор наблюдал за происходящим с выражением человека, который впервые за четырёхста лет видит что-то подобное.

Барут первым заметил девушек в дверном проёме. Лана и Ника стояли на пороге с широко раскрытыми глазами. Он повернулся к ним, махнул рукой и широко улыбнулся.

— О, привет! — сказал он негромко. — А у нас тут бесплатное шоу.

— Это было... — Вальнор покачал головой. — Странно.

Ирма развернулась к оборотню, всплеснув руками.

— Ещё один дедуля, который хочет что-то обсудить? Лучше скажите-ка мне, что это у вас тут происходит? И с кем ты будешь сражаться завтра на арене, внук?

— Рано утром прибудет гонец, — тяжело выдохнул Максим.

Часом ранее...

То, что когда-то было Тадиусом, стояло на крыше ткацкой мастерской и смотрело вниз, вцепившись пальцами в черепицу.

По вечерней улице шли две фигуры — высокая девушка в тёмном плаще и девица помладше, которая едва доставала спутнице до плеча.

Они двигались молча. Девушка держала девицу под локоть.

Друид Крови не смотрел на Лану. Он смотрел на Нику — только на неё.

Этот запах. Слабый, едва уловимый, но безошибочный... Девушки свернули за угол и пропали из виду.

Сайрак простоял на крыше ещё минуту, вслушиваясь в звуки города. Обычный вечер в необычном городе. Ничего не предвещало грядущих перемен.

Он коснулся ястреба, сидящего на краю крыши, и мир схлопнулся. Ноги ударили в мягкую, податливую землю. Сосновая смола и запах грибов — ароматы леса разом хлынули в лёгкие. Стволы деревьев уходили вверх тёмными колоннами, теряясь в высоте. Ветер шевелил листву, создавая мягкий шёпот, похожий на дыхание спящего гиганта.

Друид Крови стоял на небольшой поляне вдалеке от городских стен.

Ястреб опустился на нижнюю ветку старого дуба. Альфа Крови. Тихий, неподвижный, терпеливый хищник, полностью поглощённый Сайраком.

Из зарослей донёсся хруст ломающихся веток.

Первый волк осторожно вышел на поляну — крупный самец с серебристой шерстью и рваным левым ухом. Морда у него была умной, настороженной. За ним появились второй, третий, ещё четверо.

Стая волков жизни третьей ступени.

Вожак почуял ястреба и остановился. Чёрные ноздри раздулись, втягивая запахи. Что-то в аромате хищной птицы заставило его оскалиться — низкий рык прокатился по поляне. Стая мгновенно отреагировала, ошетичилась и выстроилась полукругом.

- Вы-то мне и нужны, - Сайрак щёлкнул пальцами.

Ястреб расправил крылья. Багровые перья зашелестели, и по поляне прошла беззвучная волна. Она медленно и неотвратно накрыла стаю.

Вожак рухнул первым. Его передние лапы подломились, словно их подрезали невидимым клинком. Массивное тело завалилось набок с глухим стуком. Из него потянулись тонкие, похожие на паутину, нити.

Это была жизненная энергия. Сила, которая управляла потоками крови и стуком сердца. Всё, что делало зверя живым, медленно покидало его тело, превращаясь в эти мерцающие нити.

Остальные волки падали один за другим. Ни воя, ни визга, ни попыток сопротивления — только глухие удары тел о мягкую землю поляны.

Семь зверей третьей ступени, каждый из которых мог разорвать человека пополам, легли на землю за считанные секунды.

Нити сплелись в воздухе над поляной, извиваясь, как живые змеи. Они собрались в небольшую пульсирующую сферу, внутри которой что-то билось, металось и пыталось вырваться наружу.

Ястреб склонил голову с почтительным поклоном. Сфера медленно поплыла к Сайраку.

Он протянул ладонь.

Работает! Ещё как работает...

Сайрак сжал пальцы. Энергия впиталась в кожу и потекла по венам.

Волки на поляне ещё дышали — едва заметно, по разу в десять секунд, словно их души зацепились за жизнь. Серебристая шерсть жоака поседела до грязно-белого цвета, будто зверь за секунды состарился на десять лет.

Живы, но жизни в них осталось на донышке — ровно столько, чтобы сердце продолжало биться.

Друид Крови посмотрел на свою ладонь.

— Мало, — тихо сказал он самому себе.

Ястреб на ветке издал низкий клекочущий звук.

— Всё равно мало! — вспыхнул друид, обращаясь к птице. — Нужно намного больше. Иначе она не проснётся!

Сайрак медленно повернул голову в сторону города.

Сквозь стволы деревьев и переплетение ветвей проглядывали далёкие огоньки. Где-то там, за камнем и деревом, через несколько дней тысячи людей набьются на трибуны. Будут кричать, сжимать кулаки и гореть азартом.

Будут переполнены энергией.

Тысячи пульсирующих жизнью тел, собранных в одном месте.

— Каких-то пару дней, — прошептал Сайрак. — Пару дней, и мы заставим Альфу Жизни пробудиться, пусть даже ценой великой крови. А мальчишка умрёт. Все умрут.

Ястреб сложил крылья и растворился в темноте.

Глава 7

Лес встретил меня тишиной.

Не мёртвой — живой. Птичий шорох, скрип веток, далёкий плеск ручья. Я отошёл от города на полчаса ходьбы, нашёл поваленное дерево у воды и сел.

Ушёл рано утром, пока остальные спали. Бешеная бабка спорила, но я был непреклонен. Ирма...

Я усмехнулся.

Убедить её вернуться так и не вышло. Такое ощущение, что ничто во всей вселенной не может переспорить старую перечницу. Но на душе почему-то стало спокойнее — всё же был рад её видеть. Пусть пока думает, что победила. До финала всё равно сделаю всё, чтобы она убралась из Оплота Ветров подальше. Силой, если будет нужно.

А сейчас...

Мне нужно было побыть одному. Думать при людях я умел, но думать честно — только в тишине.

Система выставила условия для эволюции — распределить все очки моих питомцев, без исключения. Меня и самого раздражало постоянно держать их в запасе, но теперь это время ушло.

Очков Мастера было тридцать. Плюс нераспределённые у каждого из шести питомцев. Перед финалом держать такой резерв нет никакого смысла. Я закрыл глаза, потянулся к поточковому ядру и позвал стаю.

Они пришли все разом.

Задержался лишь дедуля. Как же по-другому.

Старик вышел из кустов и остановился в стороне. Он никогда не садился рядом со мной так, как остальные. Тяжёлая росомаха смотрела на меня маленькими умными глазами, и в этом взгляде читалось одно: ну, начинай уже.

Красавчик устроился у меня на плече. Горностай сидел тихо, только изредка перебирал лапками, когда ему становилось неудобно.

А вот Режиссёра не было. Первородная Альфа Ветра сидела в ядре и выходить не будет — это решено. Пока друиды хотят крови рыси, Режиссёр остаётся там, где его не достать.

Я посмотрел на стаю.

— Начнём, — сказал вслух самому себе.

Первое: то, что не требует размышлений и нужно отсекасть.

Уровень: 34.

Эволюционный индекс — D.

Характеристики:

— Сила: 55 (основа)

— Ловкость: 14

— Поток: 36

— Свободных очков: 6

Ни одного порога без моих очков не достать.

Росомаха смотрела на меня с невозмутимостью.

— Прости, — сказал я ему. — Ты и так у нас опасен дедуля, а задач многовато. Но очки нужно потратить, и ловкость твой ближайший порог.

Ловкость $14+6=20$

— Пока так. Если останется — получишь.

Старик фыркнул и отвернулся. Обиды не было — только высокомерное принятие.

Красавчик. Поток уже на огромном пороге, а ловкость и сила горностая мне сейчас никак не пригодятся, глупо мыслить в этом направлении.

Уровень: 35.

Эволюционный индекс: D.

Характеристики питомца:

Сила: 21

Ловкость: 13

Поток: 89 (основа)

Свободных очков: 6.

— Так, приятель, у тебя тоже всего шесть. Раз система требует тратить, будем тратить в максимально близкое улучшение.

Ловкость $13+6 = 19$

Дальше сложнее. Я откинулся на поваленное дерево и позволил себе думать не только о числах.

Арена, набитая до предела. Тысячи зрителей.

Вальнор говорил про жатву.

Я не знал точно, что это значит — слово «жатва» означало что-то достаточно скверное, но как это будет выглядеть? Кто её сделает? Как?

Ещё и пророчество...

Думал об этом спокойно, без спешки.

Бои идут днём, так? А это значит, что-то здесь не бьётся. Днём луны не бывает.

Турнир продолжается. Пока идут финальные бои, друиды не двинутся. Тадиус вряд ли будет действовать импульсивно. Ему нужен финал и я в этом финале. И финал этот назначили на поздний вечер, что неспроста.

Значит ближайшие дни — относительно безопасны.

Можно ли доверять этой логике?

Я перебрал её ещё раз, ища дыры. Монах — исключение. Могли ли друиды всё же отправить его за мной? Это значило бы, что кто-то внутри их группы хотел, чтобы я не дожил. Не Тадиус — ему нужен живой Режиссёр. В любом случае план частично провалился, и после погони по крышам, второй такой попытки они не сделают. Слишком много внимания.

Или это вообще не они? Кто-то другой? Просто просчёт истинного мага пустоты?

Скорее всего.

Я не любил это выражение. Оно оставляло место для сюрпризов, а сюрпризы последнее время обходились дорого.

Афина рядом зевнула, показав клыки, и снова закрыла глаза. Я посмотрел на неё и поймал себя на мысли, что завидую этому умению — отключаться именно тогда, когда голова не нужна.

Мысли метнулись дальше.

Чёртов огненный тигр всё ещё молчал. Связь оборвалась в тот момент, когда была нужна больше всего, и с тех пор — тишина. Григор ушел несколько дней назад, обещая разобраться, но пока безуспешно. Это странно, ведь Роман знает про Раскол больше любого живого человека на этом континенте. Первый Ходок не мог не участвовать, понимая, какие ставки на кону.

Я верил им обоим. Но верить и знать — разные вещи.

Без Альфы Огня я слеп в той части картины, которая касается более фундаментальных вещей.

Сейчас я стоял перед финалом турнира, за которым стоит что-то достаточно большое, чтобы тащить сюда пятерых друидов и псевдо-альф — и стоял один, без подсказок.

Псевдо-альфы. Альфы. У них уже есть почти всё. Не хватает ветра и, возможно, жизни.

Ветер — это Режиссёр. За ним Моран придёт снова, это не вопрос.

Жизнь — это...

Я остановился на этой мысли.

Мутант в лесу был идеальной подделкой ауры Альфы Крови. Такую подделку нельзя создать без оригинала. Вот о чём я думал — Альфа Жизни позволяет создавать псевдо-альф.

Я ошибался.

Это делала не Альфа, а сам Тадиус, вот зачем им кровь Режиссёра!

А это значит, что Альфа Жизни всё ещё может быть на свободе. Теперь это логично.

След на Мике — побочный эффект контакта с ней, так? Или всё же что-то другое?

Я отогнал эту мысль. Слишком много неизвестных в одном направлении. Думать о том, чего не знаешь — значит тратить время впустую.

У меня уже нет времени разбираться в том, где эта чёртова Альфа, если я не ошибся с выводами.

Нужно работать с тем, что есть.

Карц поднял голову и посмотрел на меня.

— Да, — сказал я лису. — Ты-то мне и нужен.

Уровень: 35.

Эволюционный индекс: D.

Характеристики питомца:

Сила: 21

Ловкость: 13

Поток: 55 (основа)

Свободных характеристик питомца для распределения: 24.

Поток 55 — следующий порог 89, нужно ровно 34.

Я медленно кивнул сам себе, надеясь, что не прогадаю.

Думал о решении несколько секунд — не о числах, а о том, что видел на крыше. Голубое пламя против чёрного огня. Карц прошёл сквозь стену тёмного пламени насквозь и выжег силы Морана дотла.

Я не знал, откуда взялся голубой огонь — может, из выбора, который лис сделал в ту ночь. Может, из чего-то другого, чего я пока не понимаю. Но то, что я видел — было качественно другим.

Сложно представить, на что способны остальные друиды, поэтому нужно вкладываться туда, что ТОЧНО принесёт пользу. А пламя Карца жгло тьму.

Потрачу десять очков Мастера.

$55 + 24 + 10 = 89$.

Внимание! Навык **Огненная аура (E)** улучшен.

Огненная аура (D) - тело зверя окружено управляемым куполом белого пламени высокой температуры. Питомец контролирует плотность и границы купола по собственному желанию. При концентрации ауры способен накапливать внутреннюю энергию для разрушительного огненного выброса. Подобная атака требует времени на подготовку и серьёзно истощает питомца.

Аура по площади? Я на миг замер. А ведь это может сработать, если вспомнить, сколько тварей было на крыше!

Карц почувствовал изменение раньше, чем оно произошло. Лис встал, двумя хвостами описал медленную дугу в воздухе и чуть переступил передними лапами, как конь перед стартом.

Потом зверь вспыхнул.

Но не голубым. Чистым белым, почти прозрачным у основания и ярким на концах шерсти. Пламя поднялось от кожи и повисло вокруг тела ровным куполом. Не вплотную к шкуре, как раньше, когда огонь просто облизывал Карца изнутри наружу — отдельно!

Лис сжал купол — пламя стянулось к телу, почти пропало. Потом медленно расширил. Афина приоткрыла один глаз и покосилась на Карца с выражением, которое у кошки означало «делай потише».

Карц не обратил на неё никакого внимания. Он смотрел на свои лапы, окружённые белым пламенем. Смотрел так, как будто всегда знал, что в нём есть это, и только теперь получил подтверждение.

Хорошо— пришёл мыслеобраз.

— Хорошо, — согласился я.

Режиссёр сидел в ядре и не выходил. Это решено, но «не выходит» не означает «не получает ничего».

Девять свободных очков питомца. Я смотрел на характеристики и прикидывал.

Уровень: 33.

Эволюционный индекс: D.

Характеристики питомца:

Сила: 13

Ловкость: 57 (основа)

Поток: 24

Свободных очков: 9.

Поток... До порога нужно 10. А вот для силы всего 8. Режиссёр получит физическое усиление, не огромное, но нужное, учитывая ситуацию.

Сила $13+8 = 21$

Поток $24+1=25$

Характеристика сила достигла третьего порогового значения.

Физиологическая адаптация: *поперечное сечение мышечных волокон увеличилось. Мускулатура уплотнилась, надкостница укрепилась. Тело питомца способно выдерживать значительно большее физическое воздействие, прежде чем получить критическое повреждение.*

Не то чтобы я обрадовался этому улучшению или планировал выпускать рысь. Но решения в бою имеют привычку рассыпаться при первом столкновении с реальностью. Монах добрался до Афины сквозь сон. Тени Морана просачивались сквозь огонь и ветер. В какой-то момент что-то пойдёт не так — и тогда важно, чтобы первый удар по Режиссёру не стал последним.

Теперь подожди, дружище. Настало время твоей сестры.

Актриса не шевелилась с тех пор, как была призвана. Сидела напротив меня, серебристая и абсолютно неподвижная — только хвост изредка двигался. Её глаза не отпускали меня ни на секунду.

Уровень: 36.

Эволюционный индекс: D.

Характеристики питомца:

Сила: 21

Ловкость: 21

Поток: 55 (основа)

Свободных очков: 16.

Шестнадцать свободных очков питомца.

Она убийца. Вся её механика построена на одном принципе: оказаться там, где тебя не ждут раньше, чем противник успеет понять, что происходит.

Взглянул на навык.

Лёгкий шаг (D)— *создаёт под лапами уплотнённые воздушные платформы, позволяя перемещаться по воздуху с удвоенной скоростью, зависать и совершать резкие манёвры.*

Да... Он даёт ей воздух — платформы под лапами, прыжки под углами которых не бывает в природе. Когти Шторма режут сжатым воздухом. Пронзающий ветер толкает цель туда, куда нужно.

Всё это сработает только если она будет быстрее противника.

Поскольку Режиссёра я выпущу только в самый крайний случай, нужно сделать ставку на воздух.

— Ты будешь моей единственной надеждой в небе, девочка, — я погладил рысь.

— Мррау, — ответила она и чуть прикрыла глаза.

$21+13=34$

Характеристика ловкость достигла четвёртого порогового значения.

Ловкость: 34

Физиологическая адаптация: соотношение быстрых и медленных мышечных волокон сместилось в пользу быстрых. Скорость нервной проводимости увеличилась — время между нервным импульсом и мышечным сокращением сократилось.

Актриса моргнула.

Внешне она осталась той же серебристой рысью, которая сидела напротив меня секунду назад. Но я чувствовал через связь лёгкое её головокружение. Как будто мир вокруг неё внезапно замедлился, а она сама осталась на прежней скорости.

Потом она встала.

Просто встала — и я едва уследил за движением. Потому что между «сидела» и «стоит» не было промежуточного состояния! Нервный импульс, мышечное сокращение — и она уже на ногах, пока я ещё ждал начала движения.

Актриса повернула голову влево. Вправо. Медленно, как будто проверяла что-то внутри себя. Потом сорвалась с места — короткий рывок вдоль ручья, разворот, обратно — и остановилась точно там, где стояла. Трава под лапами не успела примяться.

Невероятно. Я смотрел на неё и думал.

Она начинает движение быстрее, чем противник успевает зафиксировать смещение центра тяжести.

Противник, который не успевает увидеть начало атаки — не успеет и уклониться. Это не скорость в том смысле в каком бывает быстрым разгон — это время между решением и действием.

А что, если усилить девочку ещё? Стоит ли тратить последние свои очки в ловкость Актрисы?

Взглянул на характеристики Афины. Ей я мог усилить лишь ловкость, в чём практически не было смысла.

Да, пожалуй, это хорошая идея.

Я смотрел на Актрису. Она только что показала мне невероятный результат.

Но думал и о друидах.

Их неизвестные питомцы с неизвестными навыками. Неизвестные способности.

В таких условиях преимущество в скорости старта — это хорошо.

$34+3...$

И свои...

$37+18=55$

Характеристика ловкость достигла пятого порогового значения.

Ловкость: 55

Физиологическая адаптация: полукружные каналы вестибулярного аппарата увеличились в объёме — точность ориентации в пространстве при высокой скорости критически возросла. Суставные капсулы плечевого и тазобедренного суставов расширились, диапазон

вращения увеличился. Питомец способен изменить траекторию движения без промежуточного торможения.

На этот раз Актриса не моргнула и не дёрнулась.

Она просто исчезла.

Не в смысле невидимости — в смысле что она была здесь, и в следующую секунду её не было на этом месте. Я успел уловить серебристую вспышку справа, потом слева, потом она уже сидела на ветке над моей головой — в трёх метрах от земли — и я не видел, как она туда попала.

Впрочем, когда сосредоточился, удалось заметить движения.

Актриса спрыгнула и приземлилась рядом.

— Твою-то мать... — вырвалось у меня. — Вы скоро станете сильнее меня. Пора проходить эволюцию, да?

Я смотрел на неё и пытался восстановить траекторию. Не смог.

Движение было непрерывным. Разворот в воздухе без торможения — просто потому что тело теперь позволяет.

Убийца с непредсказуемой траекторией.

Актриса смотрела на меня и как будто она говорила: *ну и что теперь?*

— Ты сильна, — я улыбнулся. — Но не забывай, что у твоих новых способностей есть ограничения. Вечно ты так не побегаешь. У всего есть резерв.

Теперь Афина.

Я посмотрел на тигрицу и почувствовал то тупое раздражение, которое бывает, когда знаешь ответ заранее и он тебе не нравится.

Уровень: 32.

Эволюционный ранг: D.

Характеристики:

Сила: 60 (основа)

Ловкость: 13

Поток: 65

Всего три свободных очка питомца.

А у меня осталось два.

Ни один порог недостижим.

Да, можно было бы отдать ей свои и оставить Актрису с носом, но было две причины этого не делать.

Первое — Афина уже достаточно сильна, чтобы сражаться с друидами или победить в турнире. Немногие участники представляли настоящую опасность.

И второе, самое важное — я понимал, что финалом турнира всё не закончится. Это было так же очевидно, как-то, что небо голубое. Поэтому несколько не сомневался в своей ставке на Актрису.

Тигрица не двигалась. Лежала рядом, тяжёлая и тёплая, и смотрела на меня.

$60+3=63$

— Прости, девочка, — сказал я ей. — Придётся довольствоваться небольшим количеством силы из собственного запаса.

Афина медленно моргнула и отвернула голову в сторону ручья. Обиды не было — только достоинство. Доспех Катаклизма уже показал, что умеет, и её всё устраивало.

— Теперь вернёмся к вам.

Старик и горноста́й в ожидании смотрели на меня.

— Прости, Красавчик, но этому старому растяпе будет полезнее, чем тебе. Ты и так ловкий. Жаль, всего одного очка не хватило. Не будем тянуть.

Росомаха стояла в стороне и смотрела на меня с привычным выражением превосходства.

Ловкость 20+1=21

Характеристика питомца достигла третьего порогового значения.

Физиологическая адаптация: сухожилия задних лап уплотнились и укоротились. Толчок при старте усилился — время разгона от покоя до максимальной скорости сократилось.

Старик не двигался несколько секунд.

Потом медленно переступил задними лапами, как будто проверял почву под собой — но она была та же, изменилось что-то другое.

Он присел на задние лапы и сорвался с места.

По меркам лёгких зверей это было совсем не быстро. Но для существа с такой массой это было неправильно быстро. Рывок был резким, как удар кулака. Старик пробежал десяток шагов, остановился и обернулся.

Посмотрел на меня с прищуром, будто удивился, но признавать удивление был не намерен. Потом отвернулся, сел и качнул мордой в мою сторону одним коротким движением головы. От существа, которое называло себя Королём тайги и принимало мой авторитет со скрипом этого было достаточно.

— Красавчик. Пока так. Последнюю характеристику — первому питомцу. Это даже как-то символично.

Ловкость 19+1=20

Я встал с поваленного дерева и потянулся, слушая как хрустят суставы.

Стая смотрела на меня.

Карц с белым куполом пламени, который он то сжимал до кожи, то отпускал — всё ещё привыкал. Актриса сидела ровно, с тем новым весом в плечах, который я уже научился видеть. Афина лежала неподвижно. Старик в стороне с видом гордого существа, которое пережило уже достаточно. Красавчик на плече перебирал лапками.

Режиссёр сидел в ядре. Я тронул нить его связи — получил в ответ спокойное, сдержанное внимание.

Подготовка окончена.

Финал совсем скоро, но стая стала сильнее. Это точно.

Я развернулся, и мы пошли обратно в город.

Гонец турнира прибыл сегодня — ранним утром.

Мне предстоял бой с очень сильным противником, и до его начала оставалось всего ничего.

Глава 8

Арена ревела.

Я стоял в коридоре гладиаторов и смотрел на песок сквозь решётчатый проём. Воздух здесь был спёртый. На стенах можно было легко заметить царапины от когтей и клыков.

Второй день финала.

Восемь боёв прошли вчера — Стёпа рассказал про каждый, смакуя детали.

Нойс, молчаливый островитянин с мантикорой, прошёл без единого слова. Вышел, победил, ушёл. Мантикора работала чисто — противник даже не понял, что происходит: одна царапина, и через тридцать секунд его зверь рухнул.

А ещё Моран. Друид Тени тоже прошёл в следующий круг, удивительно, что с теневой пантерой.

Я сжал кулаки. Этот ублюдок был на арене, и никто ничего не делал. Наблюдатель от Вольных Городов следил за каждым моим шагом вне арены. И его невозможно было обнаружить — здесь Арий не соврал.

На арене гремел бой Раннера.

Инферно двигался по песку с ленивой грацией хищника, которому некуда торопиться.

Его противник — крупный вепрь тридцать второго уровня, был покрыт костяными наростами и уже рыл копытом землю, готовясь к атаке. Тёмная шерсть торчала клочьями, из ноздрей валил пар, глаза горели красным огнём ярости.

Раннер стоял, скрестив руки на груди. Надоедающая улыбка играла на губах. Золотая туника развевалась на лёгком ветерке, волосы тронул солнечный луч. Публике нравилось — они скандировали его имя, швыряли на арену цветы и монеты. Женские голоса визжали особенно пронзительно.

Позёр. Любимец толпы. И в то же время — один из сильнейших звероловов Железного Королевства. Мне хватало здравого смысла, чтобы понимать это.

Вепрь рванул вперёд. Туша в четыре центнера, разогнавшаяся до полного галопа — живой таран из мышц и кости. Песок взрывался фонтанами из-под копыт, воздух свистел, разрезаемый массивным телом. Костяной нарост на лбу целил Инферно в грудь — удар, способный проломить каменную стену.

Лев ушёл вбок. Даже не ускорился — просто шагнул в сторону с той же неторопливой грацией. Вепрь пролетел мимо, взрыв копытами песок, и развернулся для второй атаки. В его глазах мелькнуло удивление — добыча должна была умереть, а вместо этого просто исчезла из-под удара.

Инферно ждал, глядя на противника с ленивым интересом домашнего кота, наблюдающего за мышью.

Вепрь ударил снова. На этот раз с удвоенной яростью — он понял, что противник быстрее, и попытался компенсировать это грубой силой. Лев не стал уклоняться — принял удар на плечо, и костяной нарост скользнул по золотой шкуре, не оставив следа. Будто ударили не по живому зверю, а по металлической статуе.

Инферно перехватил вепря за загривок одной лапой — прижал к земле и коротко рыкнул. Заявление о превосходстве, о том, кто здесь настоящий хищник.

Вепрь забился под ним, как рыба на берегу. Ноги царапали песок, мышцы натужно вздувались, но хватка льва была железной. Инферно просто держал, и с каждой секундой сопротивление слабело. Тяжесть львиного тела, давящая волна его огненной ауры, неумолимая власть хищника над добычей — всё это сламывало волю вепря к сопротивлению.

И вепрь затих.

Его хозяин поднял руку. Сдаюсь. Голос дрожал.

Раннер отозвал льва одним небрежным жестом и рассмеялся.

— И это всё, на что способны финалисты?

Инферно разжал лапу, отступил, и вебрь поднялся. Зверь был жив.

Трибуны ревели так, что каменная кладка стен звенела в резонанс.

Раннер театрально поклонился публике — всё ещё с приросшей к его лицу маской улыбки. Руки разведены в стороны, грудь колесом, подбородок высоко поднят. Идеальный образ героя арены.

Потом развернулся и пошёл в тоннель.

На секунду его взгляд скользнул по решётке, за которой я стоял. Улыбка не дрогнула, но глаза... В них была пустота. Лана рассказала мне о ситуации на рынке.

Я смотрел вслед Раннеру, размышляя.

Двести боёв. Человек, который отшатнулся от Ники, увидев чёрные вены. За маской позёра прятался кто-то другой — кто-то, кому небезразлична чужая жизнь.

А мне нужны союзники.

Навязчивые мысли вертелись в голове уже который день — как чёртова заноза под ногтем.

Арий и Иван обещали вмешаться, когда соберётся вся «Семёрка». Красиво звучит. На бумаге — безупречный план. В жизни — я стою с завязанными руками и жду, пока друиды сделают ход. Что это за тупость? Ещё и время работает против меня — каждый день здесь увеличивает шансы друидов найти меня и нанести удар.

Короны так сильно уверены в своих силах. Ожидают, что хлопнут угрозу как надоедающую муху.

А друиды не идиоты.

Если Тадиус что-то задумал — он спланировал до мелочей. Если Моран вышел на турнир под чужим лицом — значит, ему нужно быть здесь. Он продолжил участие, а значит всё гораздо хуже, чем я думал.

Политиканы довели дело до абсурда — ничего нового. Вот он враг — захвати, пытай, узнай информацию. Нет, нужно связать мне руки и смотреть, как план врага воплощается в жизнь?

У них есть преимущество информации, времени на подготовку, координации действий.

А я вынужден действовать наобум. Без информации, без разведки, без понимания их конечной цели. Режиссёр в ядре, Альфа Ветра в безопасности — пока. Но «пока» — слово, от которого у меня сводило скулы. В животе скребли когти тревоги.

Где Григор? Что с Альфой Огня?

Силы короны... Драконоборец, королевская гвардия, четыре короны вместе. Вместе ли? Арий что-то говорил про проблемы с Валдрисом третьим.

Но если друиды спланировали удар — они учли и корону! А вот чего они не учли — это то, чего не могут предсказать. Людей, которые действуют по своей воле, а не по приказу.

Людей с собственными причинами для мести.

Раннер.

Он показал, что ему важна жизнь зверей. Показал человечность. Вопрос — как он отреагирует на правду, о которой спрашивал? Ещё одну просьбу от человека, который и так ему должен. Может послать — и будет прав. А может — выслушать. Может оказаться, что под маской скрывается союзник.

Нойс?

Молчаливый островитянин с мантикорой. Барут как-то обмолвился, что какой-то архипелаг южных островов был полностью затоплен много лет назад. Катастрофа, которую никто не смог объяснить. Целые острова ушли под воду за одну ночь — тысячи людей, сотни поколений истории, стёрты волной. Мог ли это быть Крагнор — друид Воды из «Семёрки»?

Я не знал. Догадка, построенная на слухах и совпадениях. Но если Нойс потерял дом из-за друидов — у него есть причина. А человек с причиной и мантикорой — серьёзный союзник. Месть — мощный мотиватор, надёжнее золота и чести.

Хотя... Много «если». Слишком много. Я строил мосты из тумана, и каждый мог обрушиться от первого прикосновения.

— Зверолов! — глухой голос распорядителя раздался из глубины коридора. — Твой выход.

Ладно. Сначала — победить на арене.

Я отлепился от стены и двинулся к свету. Сердце забилося чаще от предвкушения. Наконец-то я мог действовать.

Арена встретила меня привычным ревом трибун.

Тысячи глоток кричали имя соперницы — Валькирии, женщины с ящером, которую я видел в первые дни турнира. Она уже стояла на песке — рядом с ней лежал её питомец.

Я оценил королевскую трибуну краем глаза.

Четыре правителя сидели под навесом, а за их спинами стояли личные охранники — Звероловы пятой ступени. Возле Алариха — Арий и Драконоборец, которые смотрели на меня сверху вниз.

Даже на расстоянии от них исходила аура силы, которую не спутаешь ни с чем. Эти люди владели самыми мощными питомцами пятых ступеней, но это не значило, что мои звери не справятся, в случае чего. У меня собралась уникальная команда.

Сейчас их питомцы дремали в потоковых ядрах, и я видел в этом ошибку. Самоуверенные глупцы, ведь на призыв нужно время.

Ящер был крупнее, чем мне показалось с трибуны. Четыре метра от носа до кончика хвоста, чешуя цвета старой меди с зеленоватыми переливами. Толстые задние лапы, мускулистый корпус, длинная морда с рядами желтых зубов. Когда он открывал пасть, оттуда шёл пар.

Классический танк — медленный, но с хорошей защитой и разрушительными атаками.

Я вышел на арену и остановился напротив.

Валькирия смотрела на меня спокойно, без вызова или презрения. Профессионалка. Это было видно по тому, как она держалась — вес равномерно распределён на обе ноги, руки свободно висят вдоль тела.

Привыкла побеждать.

Её ящер поднял голову и уставился на меня маленькими жёлтыми глазами. Из пасти капнула слюна — шипящая лужица на песке.

Кислота.

— Выходи, девочка, — сказал я негромко.

Афина материализовалась рядом со мной в облаке огненных искр.

Четыре метра роста, мускулы перекачиваются под кожей как стальные тросы. От неё исходила аура силы, которая заставила ближайшие ряды зрителей замолчать.

Все видели Афины, и все ждали этого боя не меньше, чем выступление Раннера.

Ящер поднялся на задние лапы и зашипел. Звук получился влажный и угрожающий.

Распорядитель поднял руку, и я использовал последние секунды для оценки противника.

Валькирия не показала второго навыка своего питомца, кроме плевков кислотой — значит, прячет что-то серьёзное на решающий момент. Возможно передо мной королевская особь, это тоже нужно учитывать.

Тактика ясна: держать дистанцию, измотать ящера быстрыми атаками по слабым местам, не дать ему использовать массу и силу. Как с медведем — волк побеждает не прямой схваткой, а умом и выносливостью. Но нужно быть готовым к сюрпризу — что-то она припасла на финал.

— Бойцы готовы?

— Готов, — сказал я.

— Готова, — кивнула Валькирия.

Аларих взмахнул рукой.

Рука распорядителя опустилась.

— Начинайте!

Ящер сорвался с места первым.

Массивное тело разогналось быстрее, чем я ожидал от такой туши — мощный толчок задних лап отбросил облако раскаленного песка.

БУМ! БУМ! БУМ-БУМ-БУМ! БУМ-БУМ-БУМ-БУМ-БУМ-БУМ!

Каждый шаг рептилии отдавался глухим ударом в груди, словно кто-то бил в огромный барабан. Пасть раскрылась, в глубине горла что-то булькнуло — звук, от которого кожа на затылке покрылась мурашками.

Вправо!

Тигрица нырнула в сторону в тот же миг, когда из пасти ящера брызнула струя желтоватой жидкости. Кислота с шипением врезалась в песок там, где секунду назад стояла Афина. Дым поднялся столбом, и ветер донес до меня едкий запах.

Я почувствовал жжение в ноздрях даже с такого расстояния.

Что бы это ни было, контакт с кожей оставил бы только обугленные кости. В песке, куда попала кислота, появилась дымящаяся воронка размером с таз. Её края пузырились и шипели, превращая обычный песок в стекловидную массу.

Афина перекатилась и поднялась на лапы.

Ящер уже разворачивался к ней. Хвост описывал широкую дугу.

Бей! Быстро и в отрыв.

Тигрица рванула вперед. Не прямо — это было бы самоубийством против такой массы — а по дуге, используя скорость, чтобы зайти ящера в бок.

Когти блеснули на солнце, и я увидел, как на их кончиках появился маслянистый отблеск — нейротоксин.

Удар пришелся по ребрам.

Пять борозд прочертились по медной чешуе, и вся арена услышала скрип металла по металлу.

Но канавки получились неглубокие. Броня оказалась крепче, чем выглядела. Ящер взревел. Хвост просвистел в воздухе.

Афина уже отскочила. Хвост рассек воздух в сантиметре от ее морды — я почувствовал движение воздуха даже отсюда.

Первый обмен показал мне главное — у ящера хорошая защита, но он медленнее Афины.

Классическая схема из прошлого: медведь против волка. Нужно было измотать его, не дать использовать силу и массу. Заставить двигаться, тратить энергию на промахи, пока яд не сделает свое дело.

Ящер развернулся и плюнул еще раз. Струя кислоты была толще предыдущей, и я заметил, как жидкость пузырится еще в воздухе — концентрация росла.

На этот раз Афина не стала уклоняться в сторону — прыгнула вверх, растянувшись в воздухе как золотая молния. Кислота прошла под ее лапами, оставив в воздухе едкий след. Тигрица приземлилась на всех четырех лапах и тут же атаковала снова, не дав противнику опомниться.

Давай, девочка! Покажи, что наши уроки того стоили!

Когти нашли цель — полоску более мягкой кожи под передней лапой ящера, там, где чешуя была мельче. Кровь брызнула на песок яркими каплями, и я уловил ее металлический запах даже сквозь дым и гарь арены.

— Р-р-р-оооо-ааах, — ящер взвыл и попытался схватить Афину зубами. Челюсти сомкнулись с треском сломанного дерева. Пасть щелкнула совсем рядом с мордой тигрицы.

— *Назад*, — приказал я. — *Дистанция*.

Афина отпрыгнула легко и бесшумно. Между ней и ящером легло три метра песка, но я знал — для нее это расстояние не существовало. Одного прыжка хватило бы, чтобы оказаться у горла противника.

Я оценивал состояние ящера. Рана под лапой кровоточила, оставляя темные пятна на песке, но не критично — до артерии когти не добрались. Дыхание учащенное, ноздри раздуты. От ярости или усталости? Пока непонятно. Но главное — его движения уже стали чуть медленнее. Совсем немного, но для моего глаза это было заметно.

Валькирия тоже наблюдала. Руки сжаты в кулаки, но лицо спокойно. Умная женщина. Не суежилась, не кричала команды попусту, как большинство дилетантов. Доверяла своему зверю, понимала — в такой схватке лишний звук может стоить жизни. Тоже контролировала ментально.

Ящер снова пошел в атаку. На этот раз он не стал плевать — просто ринулся вперед.
Внимательно, Афина! Встречная! На когти. Сейчас или никогда.

Тигрица рванула навстречу, и на мгновение показалось, что два хищника столкнутся лоб в лоб.

Время остановилось.

Зрители застыли.

Моё дыхание замерло.

— RRRRRRRRRRRRAU!

В последний момент тигрица бросилась вниз, проскользнула под брюхом ящера и полоснула когтями по незащищенной коже. Движение было настолько быстрым, что я едва успел проследить его глазами.

На этот раз раны получились глубже. Кровь потекла ручьем, и ящер остановился, пытаясь понять, где противник. Он вертел головой, но Афина уже скрылась у него за спиной.

Хвост!

Когти вонзились в основание хвоста, там, где проходили нервные стволы. Ящер взревел так, что у меня заложило уши, и попытался развернуться, но Афина держалась крепко и работала когтями.

Еще несколько ударов — и хвост повис безвольно, как отрубленная ветка.

Нервы перерублены.

Теперь у ящера не было ни балансира, ни дополнительного оружия. Я видел, как он пошатнулся, пытаясь привыкнуть к новому центру тяжести.

Валькирия поджала губы. Первый признак беспокойства.

Ящер развернулся и снова плюнул кислотой, но движение получилось неуклюжим. Афина легко уклонилась — без хвоста ящер потерял маневренность.

Я следил за боем и просчитывал дальнейшие ходы. Еще несколько атак на конечности, и противник будет обескровлен настолько, что потеряет сознание. Вопрос времени. Нет! ЧТО ЭТО?!

Ящер сделал нечто, чего я не ожидал.

Он резко втянул воздух и раздулся как шар, стал больше в полтора раза, и ударил всеми четырьмя лапами по песку одновременно.

БААААХ!!!

Удар был настолько мощным, что арена задрожала. Песчаная буря взметнулась вверх стеной, скрыв ящера от глаз. Частицы песка засвистели в воздухе, больно хлестнув меня по лицу даже с такого расстояния.

Через связь я почувствовал замешательство тигрицы. Она видела только стену летящего песка.

СОБЕРИСЬ! Я НЕ ВИЖУ! ЧУВСТВУЙ, АФИНА!

Из песчаного облака раздался странный звук — что-то среднее между свистом чайника и бульканьем воды в горле умирающего.

Волосы встали дыбом.

И тут на Афины полетел не обычный плевок кислоты, а целый веер брызг. Десятки мелких капель, покрывающих площадь в несколько квадратных метров. Каждая капля шипела в воздухе, оставляя за собой едкий след. Уклониться от такого шквала было невозможно — это понимал даже слепой.

ДОСПЕХ! ДОСПЕХ, БЫСТРО!— я чуть не рванул вперёд, переживая за тигрицу, и вложил в приказ всю силу своей воли.

Афина активировала Доспех Катаклизма в тот же миг, когда кислотные брызги достигли ее.

Вокруг тигрицы взорвалась огненная буря — вихри пламени и ветра закрутились в защитном коконе, создав непроницаемый барьер. Воздух вокруг нее загорелся, превращаясь в раскаленную плазму.

Кислота шипела, попадая в огонь. Брызги испарялись, не достигнув цели, превращаясь в едкий пар. Запах стал таким густым, что я почувствовал привкус гари на языке.

— АААААААААААААААААААААААААА! — Трибуны взревели.

Зрители поднялись с мест, увидев силу, которую Афина показывала впервые на турнире.

Кто-то кричал, кто-то аплодировал, а кто-то просто смотрел с открытым ртом на этот ураган огня и ветра в центре арены.

Король Аларих встал и подошёл в упор к трибуне. В его глазах читался шок. Звероловы королей напряглись и начали переговариваться. Драконоборец усмехнулся.

Песчаное облако рассеялось, унесенное огненными вихрями. Ящер стоял в центре арены и тяжело дышал. Валькирия что-то кричала.

Чешуя ящера потемнела от пота и блестела влагой, а рана под лапой кровоточила сильнее.

А Афина стояла в центре, невредимая и готовая к продолжению боя. Доспех погас — незачем было тратить столько сил.

Я посмотрел на ящера внимательнее. Его движения стали медленнее — не намного, но заметно. Голова слегка покачивалась, словно ему было трудно держать равновесие. Хвост висел безжизненно.

Нейротоксин с когтей Афины начал действовать.

Я оценивал, сколько времени потребуется, чтобы ящер окончательно потерял способность к сопротивлению. Минута, может полторы. Достаточно было продержаться, не дать ему подобраться близко, и победа будет наша.

Но тут что-то снова изменилось.

Валькирия вдруг дёрнулась, словно её кто-то толкнул в спину невидимой рукой.

Секунду назад она стояла неподвижно, с профессиональным спокойствием наблюдая за поединком. Руки сжаты в кулаки, но расслабленно. Дыхание ровное. Взгляд сосредоточенный, но не напряжённый.

А теперь всё изменилось разом.

Её лицо исказилось чем-то более странным и пугающим. Мышцы лица дёргались, словно под кожей ползали черви. Как будто она боролась сама с собой и проигрывала эту битву.

Я видел такое выражение раньше. У оленя, которого загнали собаки, и он метался между скалами, не понимая, где спасение, а где смерть.

Женщина сорвалась с места.

Движение было неправильным. Слишком резким для человека её комплекции. Слишком быстрым для того, кто секунду назад стоял расслабленно. Её тело дёрнулось вперёд, как марионетка, за которую потянули сразу все ниточки.

Я уже двигался к центру арены, даже не осознавая этого решения. Инстинкт. Столько лет в тайге научили: когда что-то идёт не так, нужно действовать немедленно. Анализировать потом, выживать сейчас.

Валькирия выхватила нож из ножен на бедре. Клинок блеснул на солнце, и я рассмотрел его за доли секунды: обоюдоострый, длиной с ладонь, тяжёлый у рукояти. Боевой нож, предназначенный для убийства.

Она неслась не к своему ящеру, который истекал кровью. К моей тигрице.

— АФИНАААААААААА! СЗАДИ! — заорал я, активируя «Лёгкий шаг», но понимая, что не успеваю.

Глава 9

Грубейшее нарушение правил.

В поединке питомцев зверолов не имел права вмешиваться.

Я зарычал. ПЛЕВАТЬ НА ПРАВИЛА, КОГДА МОЕЙ СТАЕ УГРОЖАЮТ!

ТВАРЬ!

Мои ноги ударили по раскалённому песку арены. Горячие частицы залетели в сапоги, обжигая лодыжки, но я не замедлился. Мышцы выбросили тело вперёд со скоростью, которая удивила бы меня самого ещё полгода назад.

Но было поздно.

Валькирия прыгнула тигрице на спину.

Женщина обхватила Афину ногами за рёбра и всадила клинок между лопаток. Сталь прошла сквозь мех и мышцы с тем мокрым, мясным звуком, который не перепутаешь ни с чем. Звуком, от которого кровь стынет в жилах у нормальных людей.

Только теперь жертвой была моя Афина.

Острая боль ударила по мне через связь, словно раскалённое железо провели по каждому нерву разом.

Я задохнулся, согнулся, но не остановился. Заставил ноги работать, несмотря на то, что в груди что-то разрывалось от чужой агонии.

Афина взревела — звук такой силы, что песок под моими ногами задрожал.

И тут солнце сместилось из-за облака.

Луч света упал на лицо Валькирии под определённым углом, осветив её глаза. Тот самый угол, под которым становятся видны мельчайшие детали — пыль в воздухе, капли воды на листьях, трещины в древесной коре.

Я едва не потерял равновесие.

В белке её левого глаза что-то двигалось.

Тонкое, тёмное, извивающееся — как водяной червь, плывущий в мутной болотной воде. Существо размером с конский волос, но я отчётливо видел его. Оно ползло по главному яблоку, огибая радужку, оставляя за собой едва заметный влажный след.

Какой-то паразит?

Тварь шевелилась под тонкой плёнкой, покрывающей глаз, извивалась в ритме, который не совпадал с сердцебиением женщины.

Она действовала не по своей воле. Её тело превратили в марионетку, а тот, кто дёргал за ниточки, находился где-то рядом.

Афина рухнула на бок, стряхнув наконец Валькирию, и ударила лапой по спине. Женщина закричала, песок взлетел облаком, смешиваясь с кровью в грязную кашу.

Прошло каких-то несколько секунд.

Я почти добежал. Прямо по воздуху. Выхватил нож отца.

Потянулся к потоковому ядру, нащупал нить связи с Карцем и дернул за неё.

Огонь. Сейчас же!

Лис откликнулся. По клинку побежала белая дорожка.

Ящер, истекающий кровью в десяти шагах от меня, вдруг поднял голову. Его глаза остановились на мне, и я понял — кукловод переключился на другую марионетку.

Рептилия рванула вперед, несмотря на раны и потерю крови. Массивные лапы забились по песку, хвост безжизненно волочился, но скорость была такой, какой не должно быть у умирающего зверя.

Пасть раскрылась, и я увидел, как в глубине горла забулькала новая порция кислоты.

Прыжок.

Я нырнул влево в последний момент — челюсти ящера сомкнулись там, где только что была моя голова. Струя кислоты прошла рядом, обжигая кожу едким паром, но не попала. Тяжелое тело пролетело мимо и врезалось в песок с глухим ударом.

Теперь у меня была секунда.

Перекатился под брюхо ящера.

Нож вошел под рёбра легко, как в масло.

Белое пламя Карца сделало свое дело — клинок прорезал плоть и хрящи, не встречая сопротивления.

Горячая кровь брызнула на руку, но я уже наносил второй удар — выше, под грудину, туда, где должно быть сердце.

Ящер взвыл и рухнул набок, поднимая облако песка. Массивное тело еще дергалось, лапы скребли песок, но это была уже агония, а не борьба. Желтые глаза мутнели, жизнь уходила из них с каждым ударом сердца.

Через несколько секунд все кончилось.

Получено опыта 200 000.

Прогрессия заблокирована. Требуется эволюция Зверолова.

Доступно поглощение Тёмной Эссенции.

Поглотить?

Я не мог позволить себе не впитать такую силу. Ставки чересчур высоки.

Да!

Нити потянулись ко мне, обвились грудь, проникли сквозь кожу ледяными иглами. Каждая частица тьмы жгла как крапива, впитываясь в потоковое ядро.

И тут же внутри что-то взорвалось.

ГРААААААААААААААААААА!

Рёв прокатился по моему сознанию, сметая все мысли. Чистая ярость, материализовавшаяся в голове. Зверь проснулся. Семь из семи.

Мясо. Кровь. Убить. Разорвать. ВСЕ ВРАГИ! СЕЙЧАС ЖЕ!

Мышцы задрожали, начиная расширяться. Кости заныли, готовясь к перестройке. Ногти на руках потемнели, превращаясь в когти. Во рту появился специфический привкус — предвестник клыков.

Нет. НЕТ-НЕТ-НЕТ!

СТАЯ! — мысленно взревел я, призывая единственную силу, способную его остановить.

Режиссёр, окружённый ураганом ветра, обрушился на Зверя всей мощью стихии, пытаясь задушить его в объятиях смерча. Воздух внутри моего сознания закрутился спиралью, сжимая тьму.

МРААААААААААААААААААУ!

Зверь рвался наружу с силой горного обвала, ломая все барьеры.

Хозяин в опасности. Вожак падает.

РАААААААААААААААААААА!

Росомаха ринулась в глубину ядра, как ледокол через торосы. Дедуля не знал страха — только договор с вожаком и священную ярость к тем, кто ему угрожает. Гравитация закрутилась вокруг Зверя тяжёлыми путами, придавливая его к самому дну сознания.

УБЬЮ ТЬМУ! УБЬЮ! УБЬЮ! ДЕРЖАТЬ ВОЖАКА!

Две силы — ураган и гравитация — взяли Зверя в тиски. А я сжал зубы до скрежета и навалился сверху всей своей человеческой волей.

— АААААААААААААААААААА! — заорал изо всех сил, выплёскивая боль через голос.

Мышцы трещали. Кровь стучала в висках так громко, что заглушала рёв трибун. В груди что-то рвалось — то ли рёбра, то ли само сердце.

Но я держался.

ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ ПОД МОИМ КОНТРОЛЕМ, ТВАРЬ!

И ПРИДЁШЬ ТОЛЬКО КОГДА Я СКАЖУ!

Зверь забился в клетке из ветра и гравитации, как дикий волк в капкане. Рычал, скулил, грозился, но силы покидали его. Тьма медленно оседала на дно ядра, превращаясь в спящую лаву.

Грррррррр... — последний, затухающий рык.

И тишина.

Он сгинул под объединённым натиском стаи. Старик и Режиссёр стояли на страже, готовые снова вступить в бой при первых признаках бунта.

Сиди в клетке, тварь. И не высовывайся без разрешения.

Я медленно разогнулся, чувствуя, как каждый позвонок встаёт на место с тихим щелчком. Выдохнул воздух, который держал в лёгких всё это время. Руки дрожали от перенапряжения, но когти исчезли. Человек победил зверя.

Пока что.

Четырёхметровая туша ящера лежала неподвижно в луже крови и песка, превратившись из грозного хищника в простое мясо.

Афина уже поднялась на лапы. Кровь стекала с её спины тёмными струйками, но тигрица двигалась — значит, ничего серьёзного.

Валькирия тоже поднималась с песка, сжимая окровавленный нож. Лишь механическое, безжизненное повиновение чужой воле.

Червь в её глазу извивался быстрее, словно торопясь выполнить свою задачу.

Афина прыгнула и навалилась всем весом, прижав противницу к песку. Массивные лапы легли на плечи женщины, когти выдвинулись и упёрлись в горло. Ещё сантиметр — и яремная вена будет перерезана.

— Стой! — рявкнул я. — Нельзя!

Она выведет нас на цель!

Афина замерла, но не отошла.

Но мне нужны были ответы, а не труп. Мёртвые не говорят.

Я не верю, что друиды не при чём.

— Отойди, девочка. Но держись наготове.

Тигрица нехотя отступила на шаг, не сводя глаз с лежащей женщины. Готовность убить читалась в каждой линии её тела.

Я подошёл ближе, схватил Валькирию за подбородок, заставляя посмотреть на меня. Пальцы впились в кожу, поворачивая голову под нужным углом.

Смотрел в глаза — сначала в левый, потом в правый.

Белки чистые. Идеально белые, без той извивающейся линии. Ни следа того червя, которого я видел секунду назад.

Зрачки нормального размера, реагируют на свет. Глаза здорового человека, который смотрит на мир ясно и осознанно.

Но я видел. Точно видел этого паразита.

Куда он делся?

Женщина моргнула несколько раз, словно пытаясь сфокусировать зрение. Потом посмотрела на меня с искренним недоумением.

— Что... — голос дрожал от растерянности. — Почему я лежу на песке?

Она опустила взгляд на нож в своей руке и резко отбросила его в сторону, словно клинок обжёг ладони.

— Что произошло? — Валькирия попыталась сесть, оглядывая арену широко раскрытыми глазами, и тут же закричала. — АААААААА! Мой мальчик! Мой ящер... он мёртв? ТЫ УБИЛ ЕГО!

Дьявол...

Да она бесполезна! Я встал и отошёл в сторону.

Афина, в ядро. Лечись, девочка.

Тигрица моментально растворилась, и я прислушался к её ощущениям. Всё было в порядке — слава богу.

Валькирия побежала к трупам ящера, кидая на меня затравленный, растерянный взгляд.

Арена погрузилась в шокированную тишину. Тысячи зрителей замерли на трибунах, не веря тому, что только что произошло.

Такого за всю историю турниров не было — зверолов напал на чужого питомца голыми руками, а его противник убил зверя в ответ.

Мой взгляд поднялся к королевской трибуне.

Там творилось что-то странное.

Советник Арий наклонился к королю Алариху, его губы быстро шевелились, руки резко жестикулировали в воздухе. Даже с арены я видел напряжение в его плечах, как сжались пальцы на подлокотнике. Рука Дракоборца легла на древко копья — движение медленное, но красноречивое.

Старый воин чуял неладное.

Все четыре короля о чем-то яростно спорили — их голоса сливались в неразборчивый гул, но интонации были ясными как день. Ругань. Взаимные обвинения. Попытки переложить ответственность друг на друга.

Охрана всех четырёх правителей напряглась одновременно — руки легли на оружие, позы стали жёстче. Политическая буря назревала прямо у меня на глазах.

Наконец Аларих резко взмахнул рукой, прерывая поток речи советника. Жест был властным, окончательным. Король недовольно посмотрел на правителя Альметы, потом перевёл взгляд на остальных.

Король Золотого королевства Валдрис Третий что-то рявкнул — короткое, злое слово — и поднялся со своего трона. Массивная фигура выпрямилась во весь рост. Даже на расстоянии от него веяло властью и привычкой быть главным.

Его голос прокатился по арене:

— По решению четырёх корон, оба участника дисквалифицированы без права обжалования!

Слова ударили меня как кувалда по затылку.

Я почувствовал, как кровь ударила в виски. В ушах зашумело, словно поднялся внутренний шторм.

Дисквалификация? За что, чёрт возьми? Она первая нарушила правила — напала на моего питомца с оружием в руках, пыталась убить Афины прямо на глазах у тысяч зрителей. А я что должен был делать — стоять и смотреть, как моей тигрице перерезают горло?

Я посмотрел на Нику, лицо которой стало мертвенно-бледным. Потому что меня только что лишили шанса вылечить девочку.

Прожитые годы учили меня терпению. Но всему есть предел.

— ДА ВЫ В СВОЁМ УМЕ?! — рявкнул я, делая шаг к трибуне.

Голос сорвался, прорезав тишину арены как клинок. В горле першило от крика, но мне было плевать на приличия.

И тут я увидел то, что заставило меня на миг потерять дар речи.

В левом глазу Валдриса Третьего извивалась тонкая, едва заметная нить. Точно такая же, как у Валькирии минуту назад. Паразит. Похоже лишь я мог увидеть его, благодаря восприятию скорости из-за ряда пройденных эволюций.

Но король уже отворачивался, словно вопрос был решён окончательно и обсуждению не подлежал.

Вот оно что. Вы, чёртовы политики. Аларих, Арий, Драконоборец — вы все сдались. Даже не можете защитить своего собственного Рейнджера. Прогибаетесь под чужую волю, как тростник под ветром!

Вы стали бесполезны со всей своей дипломатией и расчётами. И я не буду идти по этому пути. **ВЫ ГОТОВЫ НА ВСЁ** ради сохранения хрупкого мира и сейчас даёте друидам именно то, чего они добиваются!

Ярость. Меня накрыла чистая, белая ярость — такой я не чувствовал со времён Ефима.

Она поднялась из глубин груди, заполнила лёгкие жжением, пульсировала в висках красными вспышками.

Зверомор внутри почувал перемену в моём состоянии и зашевелился. Тёмная сущность в глубине потокового ядра зарычала, требуя выхода.

Требуя крови.

Валдрис под контролем. Друиды убирают меня. Я им мешаю. Тогда уйду — но не так как они ждут. Мне срочно нужно пропасть с этой шахматной доски на своих собственных правилах.

Я тронул связь с Актрисой, не отводя взгляда от королевской трибуны.

Воздушные платформы материализовались под ногами. Я взлетел вверх, к королевской трибуне. Прыжок за прыжком, каждое движение наполнено яростью и решимостью.

Трибуны ахнули.

Я выставил пылающий клинок вперёд, направляя остриё прямо на Алариха.

— **ХВАТИТ!** — голос прорезал воздух, словно удар грома. — Вы думаете, я вечно буду смотреть, как вы идёте на поводу у друидов и прогибаетесь под давлением этих кукловодов? Думаете, Я **БУДУ ИГРАТЬ** по вашим прогнившим правилам? **ПОДЧИНЮСЬ ТАКОМУ РЕШЕНИЮ?** Вы решили убрать меня с турнира, давая друидам еще больше козырей?! И сидеть как козлы на закланье, в ожидании катастрофы?

Правитель Железного Королевства смотрел на меня снизу вверх, не шевелясь. В его глазах было только холодное презрение ко мне.

Раз вы так слепы - мне придется сделать хоть что-то, чтобы вы наконец **ПРОЗРЕЛИ** и поняли, **ЧТО** стоит на кону! Пора привести план в исполнение.

— **АЛАРИХ!** — рявкнул я, направляя клинок точно ему в грудь. — Я **ОТВЕРГАЮ СВОЁ ЗВАНИЕ РЕЙНДЖЕРА! Я ОТВЕРГАЮ ВАШИ ПРАВИЛА! Я ОТВЕРГАЮ ЖЕЛЕЗНОЕ КОРОЛЕВСТВО! Я ВСЁ СДЕЛАЮ САМ!**

Слова вылетали из груди, как раскалённые угли. Каждое — как пощёчина трону, как плевок в лицо системе, которая предала того, кто ей служил.

— **ИДИОТ!** — заорал Арий, вскакивая с места так резко, что опрокинул кубок с вином.

Красная жидкость разлилась по мраморному полу, как кровь. Советник был бледен как полотно, глаза горели паникой.

Драконоборец вышел вперёд, поднимая копьё в боевую стойку. Древко из чёрного дерева закрипело в его ладонях. Старый воин готовился к бою, хотя на его лице читалось нечто похожее на сожаление.

Трибуны завопили. Голоса слились в единый рёв — шок, восторг, ужас смешались в какофонии звуков. Кто-то кричал моё имя, кто-то проклинал, кто-то просто вопил от переизбытка эмоций.

Аларих медленно поднялся с трона.

Король был слишком спокоен для человека, на которого направлено пылающее оружие. Его лицо выражало только холодную решимость правителя, привыкшего решать судьбы одним движением руки.

Он посмотрел мне в глаза — взгляд тяжёлый, оценивающий, полный всё того же ледяного презрения.

Затем медленно, демонстративно провёл указательным пальцем по горлу.

Жест был понятен без слов. Смертный приговор.

Толпа взорвалась криками, словно в арену ударила молния.

Внизу, на трибуне, я увидел лица своих друзей. Лана прикрыла рот ладонями, глаза широко раскрыты от ужаса. Стёпа вскочил, хватаясь за копье. Мика прижал к груди Нику, защищая её от давки, которая могла начаться.

Барут стоял неподвижно, с лицом человека, который понял — теперь всё изменилось навсегда.

Вальнор и Лана вскочили и быстро повели группу на выход.

— СМЕЕШЬ БРОСИТЬ ВЫЗОВ КОРОНЕ? — голос Алариха прогремел над ареной. — ВЗЯТЬ ОТСТУПНИКА!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.